

ПЕРЫМ МЫЖЕТ
НЕ НАСТАТЬ

АНДРЕЙ
ДЕТКИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Деткин

Потом может не настать

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Деткин А.

Потом может не настать / А. Деткин — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Горбатого исправит могила? С полной ответственностью заявляю, это не так. Сталкер Смит? Кто он такой? Притопал из какого-то Полоцкого, весь в долгах, что кошка в блохах, картежник до беспамьяства, осторожный до трусливости, безмерно корыстный и расчетливый донельзя. Ему в лицо плюнешь - он утрется и спасибо скажет. Но даже такого безнадежного типа зона способна сначала смять, как пивную банку, а затем выковать в стальной прут. Чинга – легендарный сталкер, молот в ее кузнице и наковальня. Удары судьбы не только гнут и ломают, бывает, что прямят и закаляют. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Предыстория, или Как я не умер	5
Глава 2. Трефовая отмычка	8
Глава 3. Ангел-хранитель	19
Глава 4. Чинга	22
Глава 5. Должник с вымпелом	27
Глава 6. В рейд	31
Глава 7. «Чистое небо»	36
Глава 8. Была история	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Деткин

Потом может не настать

Глава 1. Предыстория, или Как я не умер

Я застрял на бетонном островке полтора метра на три. Сверху козырек, залитый «жижей», слева стена, справа стена, под ногами восемь метров высоты и непонятной природы хищная аномалия.

«Пожрать бы» – с этой мыслью я поднимаюсь с холодной плиты. Сразу ощущаю, насколько слаб. После сна тело не чувствуется отдохнувшим, подтягивает живот. Голова тяжелая, словно набита пылью. Шагаю к перилам, облакачиваюсь. Тело провисает на предплечьях как на подпорках. Окидываю усталым взглядом осточертевшую за пять дней картину: мертвые пятиэтажки, запустение и разруха. Оконные проемы слепо взирают на выложенную из плит, заросшую мхом и травой дорогу, за которой начинается облезлый тихий лес. Временами, а по большей части ночью, его мертвую тишину вспарывают жуткие вопли. Слышатся булькающие предсмертные визги, гавканье, треск, словно великан бродит и валит деревья.

Иногда, когда трескучая темень приближается к домам, я надеваю респиратор, осторожно, стараясь не вляпаться в «жижу», вползаю в дверной проем и замираю на узкой полосе вздувшегося паркета у стены. Жмусь к холодным выцветшим обоям, слушаю одним ухом треск ветвей, другим – шорохи и шаги, которыми живет темнота брошенного здания.

Справа на дороге, метрах в ста от накренившейся осины перетекал и дрожал в «мясорубке» воздух, в ржавом уазике с поднятым капотом искрила «электра», в траве у стены в приямом круге «комариной плешки» виднелся чей-то раздавленный скелет.

Я опустил голову, посмотрел на берцы, подумал, что они из натуральной кожи, – потекли слюнки.

С лестничной площадки донесся резкий визг. Я не обернулся и даже не вздрогнул. Снорки дерутся – обычное дело. Они не представляют для меня опасности. «Жижа», которая заперла меня на балконе, в то же время и оберегает. Поначалу я боялся, что они попытаются спрыгнуть сверху, а потом, когда оголодал, даже мечтал об этом. Но нет, они лишь однажды, сидя у края крыши, смотрели на меня круглыми стеклами противогаров. Поворачивали головы то одним, то другим глазом, при этом оголовки шлангов мерзко скребли и постукивали по бетонной стене. Стоило мне поднять руку с пистолетом, как они тут же скрылись. Пробовал приманить их свистом, уговаривал – все зря.

«Блуждающий свет» красивый издалека, и особенно ночью, но в непосредственной близости волосы на руках встают дыбом и шевелятся на голове, словно призрак ерошит. Яркий свет слепит, а высокий гул тошнотной вибрацией отдается в брюхе и подкатывает к горлу. Снорки боятся его, убегают.

Я истощен, воды осталось на один палец в кофейной банке, к тому же она подтекает. Под ней все ширится мокрое пятно, и я ничего с этим поделывать не могу. Еды никакой. Бессонные ночи, страх, безнадега измотали в конец, на чертовом балконе чувствую себя, как в клетке, и неоткуда ждать помощи. Остался с СПС и двумя обоймами к нему. Мой шмотник, как и калаш, наверное, забрал Мазур.

Я все чаще поглядываю вниз, и смерть от падения уже не кажется такой жуткой. Все одно лучше, чем шагнуть в аномалию. Черный, словно из графита, скелет справа от входной двери постоянно мне напоминает об исходе. Можно еще застрелиться, но боюсь, не хватит духа. Смерть от пули кажется очень болезненной и какой-то уродливой, что ли. Представляю,

как кусок металла вырывает часть черепа, в клочья разносит мозги... Пусть уж после смерти все мое останется при мне, хотя бы на какое-то время.

Мне начинают мерещиться странные вещи. Слышу голоса и звуки, которых не должно быть. У меня есть еще немного времени, отвел себе два, от силы три дня, и его нечем заполнить, кроме как рассказать вам о превратностях судьбы, загнавших меня в эту западню.

Парень, в общем-то, я не глупый, люблю читать беллетристику, особенно Стругацких. После школы ринулся в Москву за знаниями. Без проблем поступил в «Плешку», и казалось, жизнь прогибается, выстраивается в прямую дорожку и невдалеке уже маячит светлое будущее. Прощай, далекий Мухосранск, а точнее, село Полоцкое Читинской области с деревянной школой и кирпичной церковью, с разбитыми проселочными дорогами, с баскетбольной площадкой у мусорных баков, с «градообразующей» валяльной фабрикой дореволюционной постройки, с пьяной лесопилкой, сзагибающимся совхозом ООО «Буренка».

Искренне надеялся больше туда не возвращаться. Даже навещать мать не было в моих планах. Она осталась в тесной однушке с бумажными обоями и с треснутым плафоном в прихожей. Отец умотал на северá за длинным рублем, когда мне было три, там и остался. Мать его не искала – невелика потеря, пил и ее поколачивал. Работала она на «валялке» учетчицей, вечно уставшая и злая.

Моим воспитанием занимались школа да улица. Рос, как сорняк придорожный. Если бы не периодические росписи моего чресла широким ремнем (все, что осталось от отца), я бы прямиком после восьмого угодил на фабрику. Мать постоянно пугала ею. До сих пор слышу ее сиплый, будто простуженный голос: «Будешь двояки носить, пойдешь валяльщиком шерсть шелудивую в кислоте мочить. К тридцати годам выкашляешь бронхи, а еще через пяток, в лучшем случае, если курить не будешь, за ними полетят и легкие».

Так вот, я поступил в «Плешку», жизнь удалась. Немного расслабился, и судьба меня тут же лягнула. За прогулы и низкую успеваемость пробкой вылетел из вуза на Родину. Вернулся побитой собакой, устроился на лесопилку. Там платили меньше, чем на фабрике, зато бронхи до сих пор при мне.

На распиле пристрастился к картишкам, к спиртному уже в столице успел. Со своей феноменальной памятью я без труда обыгрывал коллег по цеху и даже временами поддавался, чтобы меня не слали лесом. В карманах завелись деньжата, а вместе с ними и понты. Купил старенький, но еще годный 124-й мерс. Катал Ритку в соседнее село в клуб. Скоро перестал ходить на работу и только кочевал на железном коне от лесопилки к бане, оттуда в фабричные подвалы, затем в котельную, иногда на блатхату к Чеху.

За день я объезжал все значные места, где играли на монету. Уже и думать забыл про Москву, какую-то там «Плешку» – флэшку. Оказалось, и в Полоцком можно жизни радоваться. Вот только мать все ныла и талдычила, надо мне, дескать, из этой дыры выбираться. Я как бы обещал ей, но без серьезных намерений, тянул, придумывал отговорки.

И все же выбрался, вернее, меня выбрали осенним призывом в мотострелки. Где верой, где правдой отслужил положенное и вернулся. Ритка к тому моменту уже полгода как обрубила каналы связи. Узнал от Костяна, что спуталась она с комерсом из Овдеевки. Соха имел несколько торговых точек, заготовливал древесину и браконьерничал. Разъезжал на гелике, ходил в почете.

Я по дурости поехал к нему разборки чинить, еще напился к тому же. стыдно вспоминать. Меня отлупили как следует, унизили и пинками выгнали взащей. К тому же колеса прокололи. Ехал назад на спущенных – покрышки, диски под замену. По дороге клял судьбу, обещал Сохе вендетту разную, а Ритку умыть горячими слезами. Так мне тогда обидно стало, и, главное, не проходило.

Просыпался и засыпал с мыслью о мщении. Не мог успокоиться, но ничего дельного не придумывалось, пока случайно за игрой в фабричном подвале не узнал от Тимони о некоем

Леще, который вернулся из какой-то там зоны с карманами, набитыми бабуленчиками. Как потом выяснил, зоной оказалась вовсе не тюрьма, а территория вокруг жажнутой Чернобыльской АС.

«Там опасно, стреляют, ее охраняют от прохожих, но там хабара на уйму тугра», – шепелявил Лещ, поднося сигаретку к обветренным губам левой рукой, правую до локтя в зоне оставил.

Тогда я понял, для ответочки козырной мне туда надо. Загорелся, даже культя его не остановила. В течение следующей недели назанимал у всего поселка денег, сел на мерина и умчался в закат.

Рассчитывал по-быстрому срубить гроши, вернуться королем, расплатиться со всеми, утереть нос Сохе, а главное, огорчить Ритку. Чтобы жалела мочалка драная и локти кусала потом всю жизнь. Конечно, будет проситься обратно, умолять, но на такой случай в голове уже теснились тексты.

Я мечтал о бентли, о красивой жизни, впрочем, как и большинство, кто попадает в Зону.

Минуло восемнадцать месяцев, а я нищ, сiju на бетонном пяточке без ствола, шмотника, поглядываю вниз и примеряюсь, как бы половчее расшибить голову.

Чинга был моей надеждой. С его опытом и чутьем я рассчитывал неплохо подняться. А оно вон как вышло.

Глава 2. Трефовая отмычка

Я бродил по зоне, время от времени сходил и разбежался с разными сталкерами. Хабар сдавал в баре «Светилище» скупщику Каперу и тут же подсаживался за стол «Трефового шалмана» в надежде приумножить капитал. Местные игроки нечета полоцким тупарям, шаромыжники еще те.

Проигравшись в хлам, костеря себя последними словами, зарекаясь, снова шел в рейд. Но как только в кармане звякала монета, мой взгляд снова устремлялся к столу под большим зеленым абажуром с висюльками. Мне иногда везло, но беда еще в том – не могу вовремя остановиться.

Никогда не думал, что придется идти на дальняк с Кочаном. Мерзкий тип, скажу вам. С красно-кирпичной рожей, с гнилыми зубами, щербатый, тупой, злой, с мозолями на кулаках.

В общем, я проиграл ему столько тугриков, что не мог отказаться идти отмычкой. Предстояло побродить с Кочаном по подвалам Агропрома и найти кое-что. Что именно, бичеган не говорил.

Всю дорогу мы молчали. Я шел живым тральщиком впереди, Кочан следом на удалении пяти шагов. Даже на привалах ели молча, как собаки, глядя в разные стороны, и только челюстями работали. Мечтал, чтобы побыстрее закончился рейд и я с минимальными потерями вернулся в «Деревяшку». Но по мере продвижения вглубь зоны все отчетливее осознавал, что с экономией не получится и побыстрее тоже.

Временами мы натыкались на мутантов. Где получалось притаиться и переждать, где обойти, а где не получалось – пускали в ход оружие. По большей части пускал я, расходуя драгоценные патроны. Кочан не стрелял до последнего, словно соревновался со мной, у кого крепче нервы. У него имелся огромный пехотный тесак, и он ловко с ним управлялся. Мой штык-нож в сравнении с ним казался зубочисткой. Чтобы не тратить боеприпасы, Кочан орудовал им как индийский крестьянин мачетеро в сахарном тростнике. Мне же приходилось всю нечисть отстреливать на подступах. Так же обстояли дела и с гайками. Обкидывая аномалии и выявляя границы, тратил их уйму. Чертов уйбуй стоял позади и даже не делал вида, что боится. В расслабоне, опустив калаш, тянул сигаретку, изредка взглядывая по сторонам.

На последнем привале, когда из-за деревьев уже виднелись мрачные коробки Агропрома, он сказал, что надо забрать тайник в северной части подземелья. Зюзя ему завещал, дескать. Я мысленно матюкнулся. Именно об этом всю дорогу молился – хоть бы не дальний сектор, хоть бы не северный. Кочан, падла, надо думать, опасался, что я ни за какие тугрики в такую задницу не полезу, поэтому сказал в последний момент.

Мне не приходилось раньше посещать институтские подвалы, но слышал от ветеранов, что зомбьяками да аномалиями те места богаты. Я поинтересовался у Кочана, не многовато ли он хочет за карточный долг. Тот ощерился и недобро так ответил: «В самый раз, халелик». После этих его слов у меня в голове и промелькнула мыслишка вальнуть его где-нибудь по дороге. Но сразу понял, плану этому не осуществиться. Как бы он ни был туп и омерзителен, убить его я не смогу. По крайней мере, до тех пор, пока он не станет явно угрожать моему существованию.

Я людей не убивал, не знаю, каково это. Надеюсь, и не придется. Также надеюсь, что мысль, отвергнутая мною, не перекоцует в голову убудка. Тот уж точно задумываться не станет. Хотя какой резон? Я на хабар не претендую. Отработал тралом и разбежались. Я даже маршрутец мысленно накидал, чтобы на обратном пути подсобрать артов малость. Если... если только Кочан не захочет оставить наследие Зюзи в секрете.

Не помню, у кого читал, и в дословности сомневаюсь, но смысл фразы таков: «Самое опасное в охоте за сокровищами начинается, когда его находишь». Да уж, надо не зевать.

В воздухе висела противная морось, серое небо давило чугунным прессом, брюки от сырой травы по колено вымокли, смазанные берцы пока еще сопротивлялись влаге. Автомат я держал у груди, пальцем придавливал спусковой крючок. Шел предельно внимательно и осторожно. Территории вблизи Агропрома спокойные. Кроме аномалий и мутантов, в зданиях НИИ оформили себе базу долговцы.

Мы с ними не ссорились, и делить нечего, но они могут задать ненужные вопросы. Так что спуститься под землю мы должны инкогнито. Кочан заверил, что переживать нечего – знает он тропку.

Заходили с леса, когда позади услышали треск. Кто-то крупный и стремительный быстро приближался. Раздавшийся рык прекратил наши догадливые метания. Химера шла по свежему следу. Зачем ей это надо, думаю, разъяснять не стоит.

Не сговариваясь, мы бросились вперед к серой громаде института. Связываться с лесной бестией, не имея артиллерийской поддержки, бессмысленно. Мало того, что в нее трудно попасть – угадывает, куда полетят пули, прыгает, как на батуте, – четыре-шесть метров легко, а еще размеры. Кошка с бычка многим сталкерам покромсала жизненные перспективы.

Листья шуршали в уши, ветки хлестали по лицу, сучья цеплялись за одежду, упавшие гнилые стволы ставили подножки. Я бежал изо всех сил, продираясь сквозь строй деревянных рук.

Кочан физически крепче меня и скоро обогнал. Страх, что окажусь первым блюдом, хлестнул не так сильно, как мысль, что прожженный сталкерюга подстрелит меня. Просто обернется и пустит веером очередь. Химера займется мной, тем временем он удалится не прощаясь. Но нет, разойтись нашим дорожкам предстояло немногим позже.

В какой-то момент показалось, вот сейчас расцепятся ветви и из зарослей выпрыгнет чудовище. Я уже слышал его сиплое дыхание, ощущал содрогание почвы под лапами.

Кочан, в чью спину я вцепился взглядом, словно в спасительную соломинку, вдруг исчез. «Что за...» – не успел я додумать, как в траве под ногами разверзлось жерло люка. Я только успел прижать автомат к груди.

Подвернуть ногу, получить синяки, ссадины, даже отбить кощевы смерти, оседлав трубу, по сравнению с когтями химеры, казались детской проказой фатума.

Я приземлился мягко на что-то сыпучее и покатое. Лишь больно зубами клацнул. Перекатился, включил налобный фонарь. Мрачный, заваленный наносным илом тоннель тянулся к институтскому комплексу. Свет от наших фонарей носился по сырým бетонным стенам, высвечивая стыки, проросшие мицелиями, какие-то образования в виде наростов, сочащиеся бурой слизью, торчащие из грязи кости, блестящие лужицы «студня».

Сырой прелый воздух с примесью мертвечины назойливо лез в ноздри. Кочан включил ПДА и, насколько я мог судить, заглядывая ему через плечо, рассматривал план разветвленной сети подвалов. О такой карте я и слыхом не слыхивал.

Заметив посторонний интерес, Кочан медленно повернулся и впери́л в меня свои бычьи зенки. Черт, я подумал, он меня грохнет. От такой злобной хари в подземелье, даеще в свете фонаря – можно запросто обделаться.

«Куда нос суешь, халелик?» – прохрипел он. Я ничего не ответил, отвернулся, отступил в темноту и плотнее сжал рукоятку автомата. Сердечко мое испуганно трепыхалось.

«У-у, халелик», – слышалось из-за спины мстительно.

Еще несколько минут Кочан рассматривал карту, затем сказал, указывая пальцем вглубь коллектора: «Давай, Смит, кандыбай туда».

Кстати, забыл представиться. Звать меня Смитом. Кличка пришла из школы. Фамилия моя Сметанов, отсюда все вытекающие. Прижилась она и стала именем. Кто такой Матвей, уже и не помню.

Рыки, скрежет когтей по металлу еще некоторое время настигали и нервировали, но скоро стихли. Далеко не тупая зверюга поняла, еда ускользнула, и не стала тратить больше на нас времени.

Коллектор тянулся прямой трубой, докуда хватало света фонарей, и оканчивался зловещим непроницаемым мраком. Грязь вперемешку с песком, досками, клоками травы скоро закончилась, и ноги ступили на бетонную твердь.

Дважды пришлось преодолевать обвалы. Кучи земли, проросшие травой, заполняли все пространство коллектора, оставляя небольшие лазы вверху. Серые пятна дневного света расплазались по склизким стенам, высвечивали бледную, почти бесцветную траву, которая всеми силами старалась выжить и тянулась чахлыми побегами к свету.

Перебираясь через осыпь, с содроганием всматривался в светлые дыры в своде, обросшие лохмами сорняка. Среди сухих стеблей и листьев мне постоянно мерещилась зубастая морда. Как можно быстрее я переползал опасные промежутки и не считал трусоватую поспешность зазорной. Неторопливая развязность, словно усмешка над опасностью, с которой Кочан пролазил под провалами, меня несколько не унижала. Я давно усвоил – страх мой ангел – хранитель, бояться не стыдно, бояться – значит остаться живым.

Знал сталкеров, которые потеряли его, а затем расставались и с жизнями. Я, наоборот, оберегал свой «стрем» и лелеял, никогда не ругал себя за так называемое малодушие и пропускал мимо ушей насмешки. Не стремился возводить авторитет на бесшабашной смелости и отваге. Делал свое дело, никому не мешал и не хотел, чтобы мешали мне. Конфликты, острые моменты сглаживал, в драки не ввязывался, легко сносил оскорбления и тычки. Остаться живым, наковырять побольше тугриков – вот моя цель.

Поврежденный участок, наконец, закончился, за ним пошел уцелевший ход. Темнота нервировала не так аномалиями, «Велес» работал исправно, как возможностью нарваться на мутантских тварей. Особенно я страшился кровососов. Невидимый, да еще в темноте, он превращался в дьявола.

Однажды мне пришлось видеть обескровленного сталкера. Картина, надо признать, омерзительная. Вытарщенные сумасшедшие глаза, синюшные бледные губы, синюшные ногти на скрюченных пальцах, серая кожа, побелевшие клоками волосы, разорванная, развороченная шея.

«Мочало» перегородило проход сплошной кисеей. Аккуратно раздвигая стволами аномальное растение, осторожно просочились бочком. На одном из поворотов я нашел «выверт» – дешевый артефакт. Кочан с некоторым раздумьем смотрел на меня, пока я убирал его в контейнер. Подумал, что находку отдам ему, только чуть позже, мало ли что, а пока тайник не нашли, он во мне нуждается в живом.

Мы выходили из коллектора, в проеме уже виднелись красные отсветы аварийного освещения, когда невидимая сила, словно пол накренился вправо, потянула меня. По телу прошел мороз, руки покрылись гусиной кожей, волосы на затылке зашевелились. Стараясь сохранять самообладание, я остановился, посветил в сторону притжения.

«Комариная плешь» разляглась в вентиляционной шахте за решетчатым ограждением. Луч фонаря высветил распластанную на ржавой арматуре мумию тушкана, а дальше метрах в трех саму гравианомалию с россыпью мелких скелетов.

- Че встал? – пробурчал позади Кочан, – двигай давай, халелик.
- Там «комариная плешь», – ответил я, не поворачивая головы.
- Толай, толай.

Близость смерти, огладившей меня невидимой рукой, сделала путешествие по подвалам Агропрома не то чтобы опасным или рискованным, а смерти подобным.

Угрозу жизни ожидал теперь за каждым поворотом, в каждой трещине, на каждом шагу. Аномалия напомнила, что смерть в зоне научилась здорово маскироваться, схлопнешься и не заметишь, как такое случилось.

В сотый раз пожалел, что пошел с Кочаном. Чертов долг... насобирал бы за пару недель, и дело с концом. Сейчас же я не был уверен, что выберусь из гребаных подвалов живым. А мы еще даже не углубились.

Не мог я развернуться и уйти. Не мог. Спинным мозгом ощущал злой взгляд сталкера, которому человека уколошить, что пень пнуть. Ствол его автомата словно удлинился невероятным образом и тыкал меня в спину. Все же Кочана я боялся больше, чем зоны. Особенно это ощутил здесь, в темном заброшенном коллекторе, на глубине двух метров под землей, почти в могиле.

Остановился перед выходом из коллектора. Аварийный маяк вспыхивал и гас где-то в глубине помещения. Вместе с ним загорались красным цветом неровные стены, ржавые трубы, жгуты проводки, брошенные доски, обломки кирпича, железная опрокинутая бочка.

Рука, удерживающая детектор, вспотела. Я переложил «Велес» в правую, обер ладонь о брючину.

– Чего встал? – послышалось сзади.

– Здесь как?

– Налево давай.

– Прикрой, если че, – просипел я и поперхнулся. Во рту все пересохло. Убрал детектор в карман, взял автомат обеими руками. Выглянул из-за стены – никого. Было тихо и недвижимо, лишь слева метрах в десяти под потолком мигала красная лампа. Вдалеке, где кончалась просторная комната и начинался коридор, горел тусклый желтый свет.

Притиснув приклад к плечу, крадучись шагнул в помещение. Сразу же окутало ватное подвальное тепло. Под подошвой закрипели камушки. Сердце лупило, как паровой молот. Страшно было до жути. Я смотрел во все глаза, палец нервно елозил на спусковом крючке. Вдруг с запоздалым страхом вспомнил, что вроде не снял или снял автомат с предохранителя. Не меняя положения автомата, слегка повернул его вправо, так чтобы видеть флажок. Он стоял на автоматическом огне. Я выдохнул. Выдохнул и вместе с концентрацией потерял драгоценную секунду.

Что-то расплывчатое вынырнуло из полумрака и стремительно приблизилось. Стрелял в прозрачную фигуру с белыми дикими глазами уже в упор. Я был парализован страхом. Палец правой руки согнулся сам собой, словно механическая деталь, словно упал стопор и рычажок дернул за проволочку. Палец держал курок до последнего патрона. Ствол прыгал, уходил вверх, я видел это, но не мог распрямить фаланги.

Все происходило будто в зыбучем, ватном до тошноты сне. Словно я и не я вовсе, одновременно находился в чьем-то протезном теле и тут же наблюдал за ним со стороны.

Мощный удар в грудь сбил меня с ног, швырнул к стене. Оглушенный, я сползал по бетону, как кусок подтаявшего масла. Справа сквозь звон в ушах слышались грохот выстрелов и отборные матюки.

Избавившись от меня одним взмахом лапы, тварь переключилась на Кочана. Но прожженный сталкерюга мало чем отличался звериным от мутанта. Он наотрез отказывался быть не то чтобы легкой, а вообще добычей. Головорез отступал, экономно отстреливался, выпуская за раз по два-три патрона, и, надо думать, целил в голову.

Пока я стекал на пол, переворачивался на спину, нашупывал автомат, Кочан уже добивал проявившегося кровососа своим сайлент-хилом. Он кромсал его с толком, выверяя удары и прикладывая изрядную силу. Мутант лежал перед ним на полу в луже крови, вздрагивал под ударами, булькал кровью и вяло шевелил погаными щупальцами. Глядя на эти омерзительные отростки, мне в красках представилось, как они обвивают голову, смыкаются на затылке и

мощно, без шанса вырваться притягивают к зубастой пасти. Шею в области яремной вены неприятно защекотало.

Обтирая ветошью окровавленный тесак, Кочан, словно рисуясь, вразвалочку подошел ко мне, остановился в полуметре, посмотрел сверху вниз таким взглядом, словно убийщик на бычка. Смотрел всего несколько секунд, но за это время у меня полжизни промелькнуло перед глазами. Его равнодушные холодные глаза вглядывались, оценивали меня, словно накидывали мысленные пунктиры, отмечая вырезку, лопатки, требуху, шейку, окорок. Я смотрел на него с пола и не смел сморгнуть.

– Чего разлегся, халелик? Собирай жопу в горсть и вперед на мины.

– Ты это... – выдохнул я, поднимаясь на слабых ногах, – кровосос мертв?

– Надеюсь. Можешь проверить, – Кочан ехидно усмехнулся. Понятное дело, он не считал меня за ровню и за сталкера вообще. Я был для него отмычкой, ходячим детектором, запасными боеприпасами, приманкой, а после этого взгляда, вполне может стать, и консервами.

Ситуацию с кровососом я отработал хуже некуда – ломили отбитые ребра, больно пульсировала ссадина на скуле, минус магазин. Часть долга я однозначно вернул. Только думается, за этот рейд я переплачу процентов эдак на двести. Сам подписался, ледокол мне в бухту.

Кстати, про бухту я у Мазура услышал. Позже расскажу и о нем. Сейчас еще малость о собственной персоне, чтобы имели представление о моем сталкерском опыте и уровне подготовки.

Мимо проплывали то кирпичные, то бетонные стены, коридоры, пустые и заставленные хламом помещения. Временами натыкались на запертые двери и решетки. Тогда Кочан матерился, включал ПДА и искал обходной путь. Он нервничал все сильнее. За спиной слышал его злой бубнеж:

– Чертов кровосос, надо было ему вывалиться на нашу голову. Теперь все долгор сбегутся на грохот. Быстрее надо уматывать.

То и дело подгонял меня:

– Смит, ты уснул, мать твою?

– Нет, – отвечал я.

– Тогда какого беса соплей тащишься? Поршнями шевели и не очкуй.

– Ага, не очкуй, здесь аномалий, как блох на Гиморе (Гимор – облезлый кот бармена), и мутанты к тому же.

– Ссыкло, – ядовито цедил Кочан, – на хрена мне такая отмычка? – уже тихо, словно сам себя спрашивал.

Я затылком ощущал его сомневающийся, взвешивающий взгляд, и поневоле шаг делался шире. С одной стороны, я понимал, ни в коем случае нельзя попадаться в руки долговцам, но и размягчаться в «студне» не резон. На подозрительных участках я притормаживал.

В конце концов Кочану надоело работать кучером. Он больно пнул меня в крестец, процедил: «Меньжа долбаная», – и обогнал широким махом. Задавливая стон и претерпевая раскалывающую надвое боль, прихрамывая, засеменял следом.

Кочан шел по подвалам, как по бродвею, за секунды оценивал ситуацию, соизмерялся с детектором и принимал решения. Чесал на классе. Я ему завидовал и не отставал.

Очередная запертая дверь заставляла возвращаться, и тогда обратный путь Кочан проделывал почти бегом. Он все сильнее нервничал. На меня не обращал внимания и был сосредоточен. Подозреваю, имелись у него какие-то неоплаченные счета с долговцами.

Пробираясь по узкой вентиляционной шахте со склизкими стенками, поросшими бледными грибами, мы услышали впереди топот ног. Кочан подал сигнал. С минуту мы неподвижно пережидали, вслушиваясь в буханье берц по бетону где-то совсем близко.

Нас искали. Будь я на месте Кочана, плюнул бы на тайник, вернулся и попробовал удачу в другой раз. Но этот волчара крепко вцепился в добычу и выпускать не собирался. Подозреваю,

не гопское тряхомудие под камешком припрятано. Рисковый парень этот Кочан, ходит по краю, не утянул бы и меня за собой.

Я всерьез подумывал, как бы случайно отстать. Черт с ним, сдамся долговцам, подниму лапки в гору, скукожу жалостливую рожу, припушу слезу в голос, скажу, мол, ни при чем я, отмычкой шел, ничего не знаю, отпустите, дяденьки, больше не буду.

Жадность и спешка, в общем-то, Кочана и сгубили. Достаточно было одного неверного шага, чтобы он сгинул в небытие в буквальном смысле. Раздался треск, бетонный пол на самом деле оказался дощатым. Присыпанный отвалившейся штукатуркой, пылью и мусором, он ничем не отличался от плиты. С оглушительным треском Кочан полетел вниз.

Еще до того, как подступить к краю пролома, по характерному бормотанию снизу я понял, кто встречал Кочана с распростертыми объятьями. Я вытянул шею, посмотрел вниз. В облаке пылевой взвеси множество человеческих фигур обступили сталкера и тянули к нему руки. Кочан и не думал стрелять. Автомат оставался за спиной, он махал тесаком направо-налево в лучших кавалерийских традициях. Трудно было разобрать кто есть кто, и лишь по энергичным движениям и метаниям понял, где сталкер.

Я поднял калаш и уже был готов спустить курок, когда сзади послышалось бормотание. Тихое, как бы между прочим и вовсе меня не касающееся. Я резко обернулся. По коридору в мою сторону тащился мертвый срочник. Сердце забилось в груди, словно запрыгало на углях. «Один зомбик – не страшно», – успокоил я себя. Прижал автомат к плечу и спустил курок.

Медлительный, местами разложившийся мертвец в драной армейке плелся, подволакивая ногу, и был идеальной мишенью. Резкий громкий звук в тесном коридоре молотком ударил по ушам. Брызнули ошметки, голова с безгубым оскалом, ввалившимися глазами откинулась назад, ходячий мертвец повалился навзничь.

– Идиот! Не стреляй!!! – донесся из пролома бешеный крик Кочана.

«Господи, – подумал я, – этот хрен боится долговцев больше, чем зомбяков». На самом деле он боялся не долговцев. Из-за угла появился еще ходячий, а за ним еще двое и еще. Они шли на грохот выстрелов, вглядываясь в меня из глубины черепов с протухшими мозгами. «Да сколько же вас здесь?!» – простонал я и нажал на спусковой крючок. Первый зомби упал как подкошенный, второй дернулся, но остался на ногах. Мой взгляд скакал по мерзким ромам и ни на ком не мог остановиться, а из-за угла их все прибывало и прибывало.

С вытаращенными глазами я разрядил по толпе остаток магазина. Пули не причиняли нежители вреда, лишь едва замедляли и дергали. А потом мне выстрелили в ответ. Из-за спин я не видел, кто именно. Некоторые зомбяки задергались, а один с развороченным затылком упал вперед лицом. Грохнулся, как бревно, прямо и жестко.

Несколько пуль просвистело у меня над головой. Я побежал. Содрогаясь от мысли, что провалюсь и обрушусь на Кочана сверху, изо всех сил оттолкнулся и прыгнул через пролом. Доски затрещали под ногами, но выдержали. Я перелетел, не устоял, кувыркнулся. В шмотнике зазвякало, застучало барахло. Луч налобника метался загнанным зверьком по бетонным стенам.

Вскочил на ноги, обернулся. Зомбяки падали в пролом. «Кранты Кочану», – подумал я без сожаления. Из дыры в полу раздался захлебывающийся то ли вой, то ли крик. Множественное бормотание захлестнуло, потопило его.

Так я остался без напарника, без карт, без плана, с одним магазином к АК и двумя обоймами к ПМ.

Я удалялся по коридору прочь. Позади затихали бормотание и чавканье. Брел и задавался вопросом, что же было в том тайнике, раз за него матерый сталкерюга жизнью рискнул. Подумал, неплохо бы потом найти среди останков Кочана ПДА. На ценной карте наверняка нашлась бы отметка с тайником.

«Чертова зона», – думал я, плутая по длинным запутанным коридорам. Без погонщика я двигался осторожно и старался пройти сомнительные участки наверняка. Дотошно сверяясь с детектором и не жалея гаек, обкидывал аномалии. Если терзали сомнения, возвращался и пробовал другую дорожку. Я не рисковый, как Кочан, я другой породы. В картишки – да, могу блефануть, но по жизни наверняка.

Вот и Кочан слился, а какой сталкер был. Теперь ему не завидую и никаких угрызений насчет причастности к его смерти не испытываю. Что поделать, я такой, какой есть, – люблю жизнь и не бросаю ей вызовы, а тем более зоне. Она, тварь такая, сожрет, не подавится.

В одиночку проплутал в подвалах Агропрома шесть часов кряду, а если плюсануть те, что с покойничком, все восемь. Вымотался вдрызг. А натерпелся... Чего только стоило гнездилище тушканов. С пронзительным визгом они повалили из щели, как черти из табакерки. Кожистые, костлявые, с большими ушами, они бросались, словно одержимые. Спасло высокое голенище. Пнул первого, а от остальных драпал, пока не налетел на высокий короб вентиляции и не вскарабкался на него.

Мелкие злобные мутанты визжали, прыгали, царапали когтями по металлу, пытаюсь меня достать. Я же сидел на кортах, боязливо поглядывал на темный дверной проем в соседнее помещение и со страхом ожидал прибытия на шум кого-нибудь крупнее. Обошлось.

Тушканы, в конце концов, убрались. Я подождал еще некоторое время, затем спустился и прокрался в соседнюю комнату. Короткий коридор заканчивался лестницей вниз. Из пугающей темноты тянуло прелой подвальной сыростью. Спускаться жуть как не хотелось, кожей чувствовал исходящую оттуда опасность, но стая тушканов была очевидной угрозой и в моем положении непреодолимой, а лестница только грозила неприятностями.

Я оказался в коллекторе, похожем на тот, которым с Кочаном шли до подвалов, с той лишь разницей, что этот был из кирпича и с арочным потолком. Зловещее, скажу вам, местечко.

В мертвой тишине слышался лишь скрип камешков под подошвами и мое нервное дыхание. Я уже молил Бога, чтобы нарваться на долговцев и с ними выйти наружу.

Прямой длинный коридор вел вперед, и по мере того, как выдыхался аккумулятор и тускнел свет фонаря, темнота становилась все плотнее, все гуще. Она меня словно обворачивала слой за слоем, как паук муху. Я даже чувствовал ее липкую тягучесть.

Достиг места, где от коллектора вправо уходил рукав. Посветил вглубь – кирпичное горло кончалось черной пробкой. Подумал: «Никакой разницы», – продолжил движение прежним курсом.

Через несколько минут позади послышался шорох. Я остановился, прислушался. Так и есть, за мной кто-то шел, вернее, тащился. Множественные шаркающие шаги, глухое бормотание подталкивали к очевидному выводу: «Гребаные зомбы».

Создавалось впечатление, что долговцы специально собирали нежить по окрестностям и заселяли ею подвалы, устраивая таким образом ДОЛГОИграющие ловушки.

Ускоряя шаг, я двинулся прочь. С тревогой и надеждой вглядывался в темную бездну, надеясь различить проблески аварийных маяков или хоть какой-то свет.

И я увидел. Свет, причем дневной свет, он лился сверху. Не сразу поверил, что и на мою голову, наконец-то, свалилась удача. А когда поверил, побежал. Не сделал и пяти шагов, как запищало в левом кармашке на разгрузке. «Да что такое?», я вздрогнул и остановился. Подумал, сработал дозиметр, но он издает другой сигнал. «Газовый анализатор, – вспомнил я, – ну конечно». Кочан посоветовал: «Там в подвалах могут копиться газы. Ты это, у Мотыля купи или напрокат выклянчай анализатор. А то задохнешься. Гремучка не воняет совсем. Не заметишь, как того самое. А ты, халелик, мне живой нужен».

Я отлепил клапан на липучке, достал из кармашка небольшой приборчик с подсвеченным экраном. Концентрация метана превышала допустимые значения в четыре единицы. Наверное,

газ из подвалов вытягивало на поверхность сквозняком. При этом, как и обещал Кочан, я его не ощущал.

По мере продвижения вперед анализатор пищал все громче. Плевать, скоро выберусь и тогда гори все огнем. Я остановился в круге света, задрал голову и, шурясь, посмотрел на колышущуюся по краям люка траву. Затем переместил взгляд на ржавые скобы, торчащие из кладки. Некоторые выпали вместе с кирпичом, некоторые держались на соплях, некоторые вызывали доверие. Елы-палы, до ближайшей скобы метра три. Я быстро огляделся – осколки кирпича, мелкий камень, веточки. Знать бы, что так дело встанет, прихватил что-нибудь. Столько хлама прошел. Ай.

Сзади все громче, отчетливее доносились бормотание и шарканье. Я закинул автомат за спину, отбежал шагов на десять вглубь коридора, развернулся и бросился к стене со скобами. С хода оттолкнулся, прыгнул. Недолет. Полметра не хватило. Стянул шмотник, положил под стену. Страх уже овладевал мною, заставлял суетиться и нервничать. Всем существом чувствовал, как тают секунды, как смерть удавом скользит по коллектору. Если скоро не выберусь – мне каюк.

Руки начали трястись, внутри закручивалась пружина трагической неизбежности. Кольца стягивались, терлись боками, сверкали темным холодным блеском и давили из горла подвывания.

Шорохи слышалось уже совсем близко. Казалось, еще немного, и первый зомбьяк явится из темноты. Я резко вдохнул-выдохнул и побежал. Опорная нога ступила на шмотник... Кружка, фляга, что могло еще оказаться таким покатым и подвижным? Термос? Стопа подвернулась, я впечатался в стену и осел. «Блин, все не в масть», страшные мысли вихрем носились в голове, ужас раскручивал паническую центрифугу.

Зомбяки были уже тут. Многоголосый бубнеж слился в единый гул, шарканье и стук подошв затопили пространство. Я осветил вглубь коллектора и увидел первого мертвяка. Страшная бледная рожа плыла в полумраке. Перекошенный, словно марионетка с порванными нитками, зомбьяк приближался.

Я судорожно завертел головой, сам не понимая, что хочу найти. Все осмотрено уже десять раз. Сдернул АК – просто так я сдаваться не собирался. Сжал рукоятку, крепко обхватил цевье, почувствовал под ладонью ремень. И тут меня тюкнуло. Трясущимися пальцами отстегнул от проушины карабин. Затем из ножен выдернул штык-нож, к кольцу-фиксатору пристегнул ремень. Руки тряслись, словно я умирал от холода. Получился такой несуразный кистень из калаша и штык-ножа. Затем размахнулся и, как когда-то закидывал поплавков в лунку, так же постарался ножом попасть в промежуток между скобой и стенкой. Я и не надеялся, что получится с первого раза. С металлическим лягом нож ударился о железный прут и отскочил мне в голову – едва увернулся. Чрезмерно суетясь, поймал болтающийся нож, повторил попытку. Мое сердце лупило так, словно я был следующий на прыжок из самолета с бумажным парашютом.

Надо же, со второго раза. Судя по тому, как тряслись руки и разбегались мысли, без провидения здесь не обошлось. Штык-нож четко пролетел под скобой. Моля всех святых, потянул автомат вниз. Нож закорился на сгибе ступени. Я дернул, проверяя надежность зацепления, затем полез. Упираясь ногами в стену, перехватываясь руками по автомату, а затем и по ремню, карабкался к скобе.

В горячке спасения не слышал надрывающегося анализатора. И черт бы с ним. Но едва ухватился за первую скобу, как ощутил легкое головокружение. Неприятная слабость растекалась по телу. Ритмичный писк, переросший в ровную ноту, вдруг выступил на первый план, перекрывая все прочие звуки.

Напуганный своим состоянием, я судорожно подтянулся, вцепился во вторую скобу, перехватился за третью, подтянул ноги, коленом встал на первую. Руки тряслись и гудели, словно полчаса махал молотом. Кружилась голова.

Посмотрел вниз. Кособокий зомбик топтался у стены. Сверху я видел дыру размером с кулак в его темени, слипшиеся волосы, темное засохшее пятно на плечах и спине. Тем не менее оно двигалось. Следом за первым мертвяком подтянулись остальные. Скоро в бледном круге дневного света образовалась бормочущая толпа нежити. Они толкались, крутились, натякались на стены. Своей бесцельностью, бессмыслицей напоминали микробов под микроскопом.

Сознавая, что метан смертельно опасен, я потянулся к противогазу, но тут вспомнил, что подсумок пристегнут к вещмешку. Плевать. Я поднял голову. По глазам резанул спасительный свет. «Боже ж ты мой, как близко».

За ремень подтянул автомат. Предательская слабость гуляла по телу, пальцы стали пластилиновыми, сознание плыло, словно махнул стакан «гамофоса» натоцак. Не сразу удалось отстегнуть карабин от кольца, а когда получилось, штык-нож выскользнул из рук, словно сырая рыбешка, и полетел на головы зомбякам. «Твою дивизию, – выругался я сквозь зубы. – Ладно, хоть автомат при мне». Пристегнул ремень, повесил калаш за спину и начал восхождение.

Думал, на этом мои приключения в подземельях Агропрома закончились, как бы не так.

Щурясь от яркого света, я, наконец, выбрался из гребаного коллектора. Отполз метра на три и растянулся во весь рост. Анализатор едва попискивал. Свежий воздух живительным эликсиром заструился в легкие. Я блаженно растягивал губы и не мог раскрыть глаза. День был далеко не солнечный, но после подвального мрака казался ослепительным.

Мое внимание привлекло тьяканье. Я встрепенулся, приподнялся на локтях. Мама дорогая, метрах в ста, ста двадцати от меня расположилась стая слепых псов. Двенадцать-пятнадцать голов. «Куда ни кинь, всюду клин». Страх обжег холодом, я быстро перевернулся на живот. Прижимаясь к земле, осмотрелся. Впереди холмистая пустошь с редким кустарником, позади коллектор, за ним метрах в шести заросли орешника, слева из-за корявого леса, словно из-за забора, выглядывало здание НИИ.

Я медленно развернулся на брюхе, притворяясь сонным тритоном, пополз мимо люка к орешнику. Оставалось метра три до зарослей, когда неожиданно из-за ветвей на меня выскочила белая тощая собака с черными пятнами. Она вдруг оказалась так близко, что я смог разглядеть ее гноящиеся щели вместо глаз.

Тварь с клокочущим рыком бросилась на меня. Я выставил перед собой автомат. В следующее мгновение ее зубы с лязгом сомкнулись на ствольной коробке. Я извернулся, пнул псину в бок. Она с визгом отскочила. Позади послышалось многоголосое гавканье. Я быстро обернулся. Крюк мне в жабры, в мою сторону мчалось пять-шесть псов, а из травы еще поднимались узкие настороженные морды. Таиться не было смысла.

Я перехватил калаш, выстрелил в бело-черную тварь. Собака взвизгнула, споткнулась и уже не поднималась. Я вскочил на ноги. Что делать? Бежать в кусты и искать спасение на дереве? А есть ли оно там? Остановиться и принять бой? Патронов не хватит.

Я бросился обратно к колодцу. Собаки во весь опор мчались мне навстречу, лопатки над вытянутыми спинами ходили ходуном. Первых двух самых ретивых пришлось пристрелить. Я едва не сорвался на бормочущее стадо внизу, когда левая нога соскользнула со скобы. В последний момент успел вцепиться в чугунный оголовок. Анализатор вновь заголосил канарейкой.

Спустился на полметра, когда над головой возникла злая рычащая пасть. Рыжая морда гавкнула, и коллекторное брюхо отозвалось эхом. Зомби зашевелились, забубнили, словно по столовке прошел слушок о добавке.

Уперев передние лапы в чугунное кольцо, брызжа на меня слюной, собака захлебывалась лаем. Резкий звук бил по ушам, дергал за нервы. К нему мешался треск анализатора. Я про-

должал спускаться, пока не остановился посередине, между дном колодца и люком. Сердце ломилось в ребра, кровь шумела в ушах, легкие жадно втягивали воздух. Воздух с метаном, мать его так.

Снова ощутил головокружение, в глазах потемнело, а по телу начала разливаться необоримая слабость. «Час от часу не легче», я просунул руку под скобу, согнул крюком – не дай бог, пальцы разожмутся.

Сверху, разрывая воздух, надрывалось уже пять морд. Чтобы пролить на мою голову проклятия, собаки толкались, оттесняли друг друга. В какой-то момент одна неудачно развернулась, другая нечаянно толкнула... Я едва успел прижаться к стене. Пси́на пролетела мимо. Стоило ей оказаться на дне, как безмозглое, вечно голодное стадо набросилось на добычу. Собака истошно визжала, пыталась вырваться, кусалась, но скоро захлебнулась и разошлась по дырявым желудкам.

Мое положение становилось все отчаяннее, и я не видел выхода. Чтобы разогнать черные круги перед глазами, начал яростно промаргиваться. Анализатор нервически пищал уже прямо в голове. К горлу подкатывала тошнота. Слух отметил затихающее гавканье, словно от перрона отходил состав со зверинцем. Я поднял голову. Круг неба окаймляла мятая трава, и только. «Наверное, газ отогнал...» – подумал я отстраненно, с трудом ворочая мыслью. На ватных ногах с макаронными руками полез на свежий воздух. Вывалился из люка по пояс, осмотрелся.

Слепые псы расположились невдалеке. Некоторые, высунув языки, словно километрами гнали добычу, развалились на траве, другие рассеялись по округе, а остальные стояли метрах в двадцати от колодца и слушали эфир, наострив уши.

Осознавая, что находиться рядом с люком опасно, я пополз наискосок от стаи, не сводя взгляда со слепых сторожей. Повернув морды в мою сторону, словно могли видеть, они не поднимали тревогу. Наверное, ждали, пока отползу дальше от убежища.

Я удалился метров на пять и остановился. Дальше ползти побоялся, да и сил не было. Руки-ноги подрагивали в треморе, перед глазамиплыли черные круги. Опасаясь, что вот-вот отключусь, сильно ущипнул себя за нос. От боли заслезились глаза, но и надвигающееся затмение отступило.

Вдруг одна пси́на тьякнула, бросилась ко мне. Я потянул с плеча автомат. «Ну так получите», – процедил сквозь зубы. Приняв положение для стрельбы лежа, прицелился. Тварь двоилась в глазах. Я моргнул раз-другой, как будто стало резче, выстрелил. Слепой пес споткнулся, покатился кубарем, разливаясь жалобным визгом. «Вот такой вам коленкор, – подбодрил я себя, – трал вам в грызло, а не сталкера лихого», – поймал в прицел следующего пса, нажал на курок. Промых. Выпустил в вертящуюся сляку пять пуль, прежде чем уложил на боковую. «А, черт лохматый», – выругался я, наблюдая, как поднимается вся стая и ломится в мою сторону. Уже не особо выбирая мишени, выпустил по мутантам веером остаток магазина, затем пополз к люку.

Слепые твари приближались быстрее, чем казалось сначала. Всему виной газ. Я не стал переворачиваться и засовывать вперед ноги, нырнул головой вниз, на лету хватаясь за перекладыны. И все равно не успел. Острые зубы впились в голень. От боли я взвыл, просунул свободную ногу в люк, уперся в край оголовка и потянул другую из пасти. Подумал, что собака кувыркнется вслед за ней. Но в последний момент та все же разжала челюсти.

Оглушительный лай залепил уши. Из кармана выскользнул анализатор и со все утихающим пиканьем полетел вниз. «Так ему и надо», подумал я с пьяным ехидством.

С трудом удерживаясь на руках, я перевернулся. Зомби никуда не делись. Они плотно забили коллектор и копошились, словно опарыши на мертвечине. «Господи, – простонал я, – когда же все это закончится? Либо убей, либо спаси».

Моя голова все сильнее клонилась набок, в ушах звенело, гавкало, бормотало, шаркало, взвизгивало, молоточки все больнее стучали в виски. Веки притягивались друг к другу, словно

намагниченные. Я боролся, но они все же сомкнулись, и не было сил их разлепить. Пропустил под скобу руку, другой замкнул кольцо. Держался из последних сил. Один раз соскользнула нога. Обжигающий страх вырвал меня из сонного дурмана, но через полминуты я снова клевал носом. Подумал, неплохо бы пристегнуться ремнем к ступени. И кажется, это сделал. Тогда как он меня вытащил?

Глава 3. Ангел-хранитель

Я очнулся, лежа на спине под кривым деревом, кажется, это была осина. Редкие жухлые листья шевелил ветерок. Откуда-то справа доносился далекий лай, сверху каркала ворона. Серые клокастые облака ползли по небосводу, словно вымоченные в ручье стоков обрывки газеты. Я повернул голову. Рядом сидел сталкер, он что-то убирал в аптечку, затем закрыл крышку и положил во внутренний карман.

Что не долговец, было понятно сразу – обычная армейка, зеленая куртка, поверх нее разгрузка, кепи и никаких шевронов. Хотел спросить, кто он, и не смог. Распухший язык мертвой рыбиной прилип к небу. Голова отяжелела, словно ее залили свинцом, и в ней не находилось места для мыслей.

Пользуясь моментом, пока сталкер занят, я рассматривал его. Немолодой, лет сорока пяти – сорока восьми, с проседью, с простым славянским лицом, с трехдневной проволочной щетиной. Две глубокие морщины через весь лоб, волевой подбородок, нос с горбинкой, гусиные лапки у глаз, спокойные брови, шрам под скулой. Сталкер как сталкер, ничего особенного, вот только глаза были с другой географией. Были не злыми, как у Рыжего, не зверскими, как у Кочана, не подленькими, как у Кощея, не бычьими, как у Ясика, не вороватыми, как у Соряна, не безразличными, как у Шушила, Клопа, Плиточника и у многих других. Они были человеческими, с пониманием и еще душевными, что ли. Такими, каких не то что здесь, за периметром редко встретишь.

Сталкер почувствовал к себе внимание, повернулся. Мы встретились взглядами.

– Очухался? – спросил он будничным голосом.

Я кивнул. Ядро перекатилось от затылка и ударило в лоб. От боли я сморщился.

– Идти можешь?

Я пожал плечами, попробовал сесть – получилось. Во всем теле ощущались слабость и неприятная тяжесть, но руки уже не дрожали, как былинки на ветру, а в ногах пробуждалась крепость.

– На, глотони, – сталкер протянул раскрытую перепачканную ладонь с двумя таблетками, – легче станет. Ты, паря... метаном надыхался. Насилу откачал. Еще... чутка, и свалился бы к безмозглым.

Он говорил с придыханием и паузами, словно дел это с трудно.

– Я бы дал тебе... время очухаться, но мне... к доктору надо, – вновь заговорил он.

Только сейчас я заметил, что пальцы руки, на которой лежали таблетки, были не в земле, как показалось вначале, а в крови. На смуглой коже она не особенно бросалась в глаза. А когда он протянул мне флягу, я увидел, что и вторая рука окровавлена.

Принимая воду с таблетками, взглядом пробежал по спасителю. Сразу заметил разорванную темную от крови брючину на бедре, под ней перевязочный пакет, у паха жгут. Ветераны рассказывали, как через поврежденную артерию, если не принять меры, вся кровь вытекает за несколько минут.

Сталкер перехватил мой взгляд:

– Надо идти прямо сейчас... – он болезненно поморщился, – надо к научникам. Я с ними уже связался, выйдут... навстречу.

– А доэг? – промычал я, еле ворочая мертвым китом, который после нескольких глотков воды вроде бы оживал.

– Их док спекся, – сталкер помолчал и добавил, – они сами носят раненых к Болот... ному.

Я обратил внимание, что губы у сталкера синюшные. Цепляясь за ствол дерева, он тяжело поднялся на одной ноге. На примятой траве осталось кровавое пятно. Полностью не выпрям-

ляясь, сталкер подцепил с земли СГИ-5к, закинул на плечо. Я сразу отметил на автоматической винтовке хорошую оптику и глушитель.

Хотел спросить, куда именно к ученым, но с первой попытки не получилось. Из рта вырвалось неразборчивое мычание. Слабость отпускала медленно и неохотно, в голове гудело, казалось, там еще клубился и перетекал гремучий газ.

– Каким ученым? – смог я выговорить со второй попытки.

– Под Янтарем, – пробурчал он, поднес к лицу ПДА и стал жать на кнопки.

Я поднялся, и у меня получилось это сделать куда ловчее, чем у спасителя. Когда двинулся на высоту собственного роста, увидел пространство вокруг. Слепые псы были разбросаны по местности, словно поваленные ветром декорации. Я не стал считать, упокоенных было много. Вдалеке на гребне холма заметил улепетьявающих псин. Одна бежала впереди ходкой рысью, вторая сильно хромала и поэтому отстала.

По мере того как мои мозги приходили в порядок, стали возникать очевидные вопросы: «Кто их всех перебил? Не может быть, чтобы он один. Если даже так, он потратил кучу патронов. Ради того, чтобы меня вытащить? Маловероятно. Чтобы потом откачивать и кормить таблетками? Бред. Кто его ранил?».

Что-то здесь было не так. Зона не то место, где помогают и делятся бескорыстно. Все здесь дорого и в дефиците. Таблетки, как и патроны, весомый аргумент в споре со смертью, ими делиться – все равно что кровью. Скорее всего, должовцы зачищали окрестности Агропрома от мутантских выродков. Они постреляли псов, а этот сталкер забрел на шум. Долговцы его по неосторожности продырявили. Хотел сталкерок сныкаться в колодец, там я. Что делать? Проще, конечно, ногой по башке и на этаж ниже спустить, своя шкура, как-никак, ближе к костям. Это я потом спрошу, чего не скинул. А может, и пытался, ремешок, наверное, которым я все же пристегнулся, не позволил. Пока разбирался, в чем дело, должовцы умотали. А может, и рядышком втиснулся. Таблетками поделился? – тут я смутился в своих раскладах, но быстро нашелся. – Так оно и понятно. Сам идти не может, кто, кроме меня, его к ученым потащит? Не ближний свет Янтарь этот.

Я поискал взглядом калаш. Его нигде не было. Наверное, в коллектор свалился. Скосил глаза на кобуру. Пистолет был при мне. Отметив этот благоприятный фактор, посмотрел на сталкера. Его автоматическая винтовка покоилась за спиной, сам он был занят, надо думать, навигацией. Вот чайник. В голове у меня промелькнула мыслишка: разоружить дятла, взять ПДА и уйти. Пусть помирает себе спокойно. Но как-то стремно. Вдруг выкарабкается? Долговцы рядом. А чтобы наверняка... Нет, убивать людей за оружие и снарягу я пока не готов.

– Тебя как звать? – вопрос сталкера прервал мои размышления.

– Смитом, а тебя?

– Я Чинга. Смотри, как поступим. Пойдем... к Янтарю. Если знаешь, база там... в карьере. Сахаров на ней командует. Его ребята смогут... выйти только через час. Большая группа... Я сейчас плохой ходок, придется тебе поработать... костылем малость. Подойди, – он махнул рукой, подзывая меня.

Обрисованная им перспектива не вызвала восторга совсем. Я не спешил работать подпоркой и колебался. И он это заметил. Глаза его потемнели, а лицо из добродушного стало не злым, нет, а каким-то расстроенным, словно дверь, в которую он постучал с цветами, так и не открылась. Его рука не дернулась ни к автомату, ни к кобуре, он просто стоял и давал мне время принять решение. Я до сих пор не знаю, стал бы он меня тогда в той непростой ситуации принуждать или же отпустил с миром? А как бы тогда дошел? Дождался ученых? А если бы не дождался?

В общем-то, долги отдавать не люблю и при случае быстро о них забываю, но в тот момент отказываться все же не стал. Что-то в его лице, в глазах заставило меня поступить так, как я поступил. К этому сталкеру у меня не возникало неприязни, а даже наоборот, какая-то симпа-

тия, что редко со мной случалось. Я словно почувствовал, что сделаю правильный выбор, если останусь, что из хороших отношений с этим человеком приобрету намного больше, нежели уйду налегке.

Я молча, подошел, встал ему под правую руку. Он навалился, и мы захромали через пустошь на северо-запад в сторону Янтаря.

Глава 4. Чинга

Он предупредил, что его имя не склоняется, при всех обстоятельствах остается неизменно Чинга. На мой вопрос, что за странное погоняло, пояснил: окрестили его на Янове, где обитал первое время. В прошлой жизни работал лесником – читает следы, как родную речь, на отстрелах волков поднаторел класть кучно и в яблочко. Эти таланты не остались незамеченными. Чингачук сократилось до Чингач, а потом и вовсе стал Чинга.

Разумеется, об этом он поведал мне не в тот раз. Тогда мы ковыляли молча. Чинга сказал, что слушает зону и разговоры ему мешают. Он был очень сосредоточен. На привалах говорил скупое, лишь о том, что касалось насущного.

Сталкер хотя крепился, но был плох. Лицо его посерело, рука на моем плече совсем не держалась. Я предложил остановиться и дожидаться встречного отряда. Он отказался, сказал, чем быстрее повидает Птаха, тем больше шансов. На одном из привалов Чинга попросил помочь перетянуть рану. Я понимал, для чего это надо, и не задавал глупых вопросов.

Ему понадобился мой брючный ремень. Я с готовностью его предоставил. Сделав из кожаной полосы двойную петлю особым способом, сталкер наложил ее выше жгута, сантиметров на пять, концы передал мне. После того как все устроили, медленно ослабил жгут, пуская по артерии кровь. Повязка тут же окрасилась красным.

– Ядрена копоть, – проговорил он, разлепляя спекшиеся губы. – Давай затягивай.

Я сделал, как было сказано. Чинга перевязал жгут выше ремня.

– Все, снимай.

Попачканный кровью ремень вернулся в родные шлевки.

Некоторое время мы сидели молча. Я попытался заговорить, узнать, где он кинул якорь и к какому берегу причалил, но Чинга не ответил. Бледный, сидел с закрытыми глазами, привалившись спиной и затылком к дереву. На мой вопрос, как он, вяло покачал кистью. Глядя на эти слабосильные движения окровавленными пальцами, побоялся, как бы он не вырубился и мне не пришлось тащить его на закорках. Себя я ощущал далеко не на пике формы и не стал бы этого делать. С закрытыми глазами он меня не удержит. Я взял бы все, что нужно, и ушел. Не надо быть доктором, чтобы понимать – одной ногой Чинга уже в могиле.

Сталкер пошевелился до того, как я услышал треск. Он встрепенулся, словно бы и не раненый вовсе, поднял штурмовую винтовку, направил ствол на заросли. С нарастающим треском через несколько секунд из кустов вывалился ходячий холм с маленькими красными, навикате, словно приклеенными к шерсти бусинами-глазами. На коротких ножках, со здоровенными клыками, он остановился, уставился на нас. Секунду-другую шевелил сопливым пятакон, шумно втягивая воздух. Не знаю, каким бесом он здесь очутился, но когда, наконец, понял, кто перед ним, взвизгнул и бросился убивать.

Пока я тянул ПМ, а затем целился в надвигающуюся косматую тушу, Чинга успел высидеть пол-обоймы. Он откатился в последний момент, когда, низко наклонив свирепую морду, кабан намеревался поддеть его на клыки. Мутант пронесся мимо, выбрасывая из-под копыт комья земли. Ему вдогонку стреляли уже вместе. Вепрь завизжал, задние ноги подогнулись, он просел. Копыта безвольно волочились за ним, как рудиментарные отростки. Что-то мы ему там повредили. Но монстра это несколько не смутило. Ослепляющая ярость гнала, заставляла забыть о боли, развернула мутанта и снова бросила в атаку. На передних ногах, сильно клонясь вперед, едва не цепляя пятакон палый лист, он устремился на нас. Но это уже был не тот быстрый и полный сил зверь. За то время, пока он разворачивался да разгонялся, Чинга перезарядил швейцарский автомат и встретил лобастую морду прицельным огнем. Несмотря на приближающуюся опасность, сталкер не сходил с места. Хладнокровно выпускал пулю за пулей, целился и жал на спусковой крючок расчетливо, со знанием дела.

Я отбежал в сторону, укрылся за деревом и поддакивал из пистолета, посылая свинцовые плюхи во вздрагивающий косматый бок.

Кабан, наконец, упал. Он еще был жив. Лежал на боку, взбрыкивал, хрюкал, елозил копытом по земле. Из выбитых глаз сочилась бурая, почти черная кровь. Как можно жить после таких ран?

– Добей, – проговорил сухо Чинга, перезаряжая винтовку и поглядывая по сторонам.

Остаток обоймы я расстрелял в кабанью голову, не понимая, для чего такое расточительство, мутант и сам скоро издохнет, но спорить не стал.

Зверь, наконец, затих. Он был небольшим, встречались и крупнее, но от этого не становился менее опасным. Из пасти торчали загнутые, остро отточенные костяные ножи. Однажды пришлось видеть сталкера, искромсанного похожими клинками.

Как-то с Фарой возвращались из Лиманска. Проходили впустую, с утра до полудня лил дождь, в ботинках хлюпало, промокшая куртка липла к плечам, ноги разъезжались на жиже, мы были злые и голодные. Невдалеке послышались пистолетные хлопки. Мы переглянулись, не спеша двинули на выстрелы, исключительно чтобы глянуть и при случае подхарчиться. К тому моменту, как подкрались и выглянули из-за холма, пальба смолкла. Стрелок лежал безжизненной тушей, а здоровый кабан все продолжал поддевать его на клыки, подбрасывать, словно играл с соломенным тюком. Не будь у бедолаги за спиной шмотника, мы бы прошли мимо. В зоне так – каждый сам за себя.

Пожертвовав эргэшкой, мы отогнали мутанта, подошли к мертвому сталкеру. Тот походил на кровавый антрикот, отбитый вместе с оберткой. Располованная плащевка, вылезший синтепон пропитался кровью, перемешался с мясом и кожей. Мы с Фарой еще удивились, как при таком огромном количестве колото-резаных кишки остались на месте. Парень с искромсанным, залитым кровью лицом был однозначно мертв. Мы без угрызения совести присвоили уже ничейный хабар.

Ничего ценного в шмотнике не оказалось. Оно и понятно, как мог салага, вооруженный одной «Корой», в гражданских штанах, в синтепоновой куртке, в кроссовках, без детектора что-то найти ценное. Фара загыгыкал и сказал: «А может, он нашел что хотел? Смертушку свою? А, Смит? За этим сюда притопал».

Нам досталось две мятые банки тушенки, хлебцы в труху, пробитая пластиковая бутылка с остатками воды, пачка сигарет, пропитавшаяся кровью, иконка в целлофановом пакете, зубная щетка, пистолет и одна обойма к нему. Тушенку мы уничтожили десятью минутами позже в развалинах пожарной части. Потасканную «Кору» на следующий день сплавил скупщику за копье. Все, больше ничего от безымянного сталкера не осталось.

– Надо идти, – Чинга зацепился за орешник, поднялся на ноги с натугой, словно старик. – Сейчас на звук зверья всякого... набежит, – сдавленно просипел он.

Я не спорил. Стрельба в зоне значила одно – приглашение к столу. Трупоеды, крысы, слепые псы, прочие мутанты, оказавшиеся поблизости, не упустят шанса подесть свежатинку, а при случае полакомиться и победителем.

Мы пошли. Я – подпорка, костыль, палка, он – навигатор, сторож, стрелок. Надо признать, впечатлили его хладнокровие и меткость. Так расчетливо – бах, бах в свинячью морду, словно всю жизнь этим занимался.

Не отошли и сотни метров, как позади послышался яростный визг. «Легки на помине».

Без четверти пять мы устроили очередной привал. Последние два километра в животе урчало, как Кракатау перед извержением. В развалинах КПП нетвердыми пальцами Чинга растянул узел на вещмешке и стал неторопливо тягать из него припасы. Особенно порадовали пащтет и яблочное повидло.

Чинга ничего не ел. Он сидел на обломке стены, привалившись плечом к кирпичной кладке, на ствол зажатой между колен винтовки повесил кепи и через пролом смотрел на серую

унылую зону. Брошенную людьми со всеми воинскими частями, заводами, деревнями, поселками, городами, полями... А она все это сжирала. Медленно ворочала челюстями, куда спешить – впереди четыре с хвостиком миллиарда лет. Обгладывала косточку за косточкой, словно ценитель, гурман, наслаждалась вкусом смерти и гнили.

Ветшали, текли крыши, трескались, обваливались стены. Деревья пускали корни в труху, цеплялись за кладку, выворачивали кирпичи, дыбили, кололи асфальт.

Чинга не обращал на меня внимания. Сидел бледный, с мокрыми от пота волосами, смотрел вдаль уставшими полуприкрытыми глазами.

За забором из колючей проволоки в полукилометре слепые псы гоняли стадо плоти. Я жевал бутерброд, смотрел на мутантов и вспоминал, как полгода назад оказался на территории бывшей свинофермы.

Внезапно смолк перестук крупнокалиберов с кордона. Все как по команде кругом затихло, отчего стало тревожно и боязно. Сразу подумал о выбросе, поднял голову. Небо у горизонта почернело, налилось свинцовой тяжестью и быстро накрывало зону, словно светонепроницаемая драпировка клетку с попугаем. Редкие всполохи судорогой пробежали под тучами. Свиноферма оказалась единственным строением, годным для убежища.

Пробегая по изрытой копытами земле, я заметил в загоне у перевернутой кормушки плоть. Не сразу сообразил, что с ней не так. А когда понял, стало дурно. Во-первых, она вела себя странно. Была одна, словно больная, и не пыталась прятаться от надвигающегося катаклизма. Стояла, склонившись мордой к корыту, и лизала железный край. Я слышал сухой шуршащий звук языка по металлу. Но не ее поведение заставило меня содрогнуться, а тело. Из раздутого бока торчала темно-серая, почти черная человеческая рука. Торчала так, как если бы человек находился внутри нее на спине.

Плоть, наконец, заметила меня, встрепенулась и отбежала на несколько шагов в сторону. Мать моя женщина, рука, кисть при беге колыхались. А когда она повернулась, я увидел с другого бока, возле самого крестца человеческую ногу. Как такое может быть? Как? Как он туда попал? Вырос вместе с мутантом? Пророс потом? Зона, зона, что же ты делаешь?

Мне стало не по себе. Через распахнутые, перекошенные ворота я забежал в коровник. В небесах уже отчетливо слышалось бормотание выброса, кровавые вспышки подсвечивали надвигающийся грозовой вал. Я обернулся. Плоть стояла на прежнем месте. Стояла понуро, тупо вперив большие глаза себе под ноги. И... мне не показалось, я это точно видел, рука дернулась с ногой, словно человек внутри вздрогнул, словно его что-то беспокоило.

Я нервно выдохнул и скрылся за кирпичной стеной, надеясь, что выброс прибудет это исчадие ада. После апокалипсиса мутанта с человеком внутри нигде не обнаружил. «Неужели выжили?», – думал я, обводя взглядом канавы, рвы, развалины в окрестности.

Не заметил, как доел бутерброд с паштетом. Неприятные воспоминания кружили назойливой мухой, и чтобы отогнать их, решил поинтересоваться у Чинга, как он себя чувствует. Повернулся к сталкеру, открыл рот и тут же закрыл. Чинга сидел в прежней позе, только голова его теперь не была повернута в сторону пролома, а упиралась подбородком в грудь. Он напоминал спящего человека.

– Чинга? – позвал я его тихо. Он не отозвался. Тогда я привстал и тихонько потрепал его за плечо. – Чинга.

Он не отвечал и оставался мертвенно-неподвижным. Вкрались беспокойные подозрения, я потряс сильнее. – Чинга, – произнес уже громко.

Он молчал и под моей рукой был податлив. Я шагнул к сталкеру, нащупал на шее пульс. Сердце его слабо трепыхалось.

– Приплыли, – выдохнул я, ощущая наваливающуюся тяжесть. Тащить его не было ни малейшего желания, да и вряд ли бы смог. Пока сюда дошли, всю спину на подпорках сорвал. Попробовать привести в чувство? Что с того, если он идти уже не может совсем. Поохранять,

пока не помрет? Тогда все его станет моим? Стоит ли дожидаться? Если объявятся встречники, шиш, что обломится.

Надо признать, за последние сутки я подрастерялся основательно: калаш, патроны, шмотник, жратва, штык-нож, противогаз, фляга, кружка, ложка... Да я просто гол. До «Деревяшки» никак не дойду. А он уже не одной, а двумя ногами в могиле. Ждать для успокоения совести? Мол, Господь прибрал. Как долго? Час, два? Может, потихоньку уже начинать потрошить? А если очнется, что тогда?

Сам не заметил, как начал присматриваться к его снаряге, прикидывать размерчик, износ, примерять разгрузку. В подсумке явно угадывались запасные магазины. Швейцарская штурмовая винтовка, зажатая меж колен стalkerа, выглядела почти новой. Насколько мне было известно, СГИ – надежный и точный автомат, магазин на тридцать патронов. Патроны, правда, недешевые, не такие ходовые, как к калашникову, но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. На крайняк винтуху можно продать за хорошие деньги. Я склонил голову и разглядывал отделения на разгрузке, пытаюсь угадать, чтобы могло в них так топорщиться.

Время шло, а Чинга все не шевелился. Показалось, грудь уже не вздымается. С минуту следил, затем с затаенной надеждой поискал на артерии пульс. Все, кранты. Сердце мое не то чтобы радостно, но с облегчением подпрыгнуло – перст судьбы сделал за меня сложный выбор. Но секундой позже испытал досаду, как будто меня объявили победителем в конкурсе «Везунчик», а потом извинились и назвали другое имя, – пальцы уловили слабое сердцебиение.

Я снова опустился на обломок стены, не моргая вглядывался в бледное, почти белое лицо напротив с мыслью: «Когда же ты, наконец, помрешь?»

Всерьез подумывал: «Только навалиться, даже стрелять не надо. Сколько? Минуту-полторы и все. У него сил сопротивляться не осталось». Но как бы себя ни уговаривал, тело мое оставалось неподвижным.

– Вон! Там они! – услышал слева голос и резко обернулся. Сердце мое перекувыркнулось и обвалилось в пятки. Я выхватил из кобуры пистолет, вскочил и чуть не упал. От долгого сидения ноги затекли и не очень-то слушались. По мышцам растекалось болезненное покалывание. Взмахивая руками, на полусогнутых, спотыкаясь, я кинулся к дверному проему, через который нас, собственно, и увидели.

Их было трое. Двое в раздутых разгрузках, в бронежилетах, вооруженные автоматами, третий без оружия с объемным ранцем за плечами и с какой-то штуковиной в руке. Он пальцем указывал в мою сторону.

Я, идиота кусок, только сейчас вспомнил о штурмовой винтовке. Что я с пээмом против автоматов? Да они с подствольника шарахнут, и нам крышка.

– Не стреляйте! Мы свои! Нам нужен Чинга! Чинга здесь?! – снова послышался тот же голос – обычный, немного визгливый, не привыкший орать.

Я осторожно выглянул из-за укрытия. Двое, тот, что с ранцем, и стрелок, залегли за блоками, третьего уже с ними не было.

– Да! Он здесь! – проорал я в ответ.

– Ну вот, видите, – послышался радостный голос, – я же вам говорил. – Высоко задирая зад, тот, что с ранцем, начал подниматься. Стрелок встал легко и быстро. Автомат держал у плеча. Он заслонял собой гражданского, не спеша шел к КПП.

В какой-то момент в пропускном пункте света вдруг поубавилось. Я обернулся. В проломе, через который раньше наблюдал за стадом мутантов, стоял темный силуэт с автоматом. Ствол смотрел в мою сторону.

– Все чисто! – крикнул силуэт зычно. – Заходите! А ты, пацак, – теперь он обращался ко мне, – пуху брось и отойди к стене.

Я подчинился:

– Ты, эцилоп, главное, не нервничай и трансклюатор опусти. Ку, – быстро вспоминал чатланский.

– А где твой цак? – наемник внимательно и с каким-то затаенным интересом взирал на меня.

– На пепелаце. Ы-ы, – продолжал я поддерживать разговор на малоизвестном. В свое время несколько раз пересмотрел нетленку Данелии, и видно, не зря.

– Ку, – стрелок улыбнулся, опустил автомат. – Тентуры наши, смотрю, сошлись.

Через несколько секунд снаружи послышались торопливые шаги, а потом в дверном проеме возник человек с ранцем. Секунду-другую он осматривался. Заметил Чинга, решительно направился к нему, по пути стягивая с плеч ляжки.

– Давно без сознания? – спросил меня, опускаясь перед сталкером на колени и заглядывая ему в лицо. «Наверное, врач», – подумал я, а вслух сказал:

– Минут пять-семь. Отошел отлить, осмотреться, а когда вернулся, он уже того.

Доктор взял Чинга за запястье левой рукой.

– Думаю, – продолжал я, – у него...

Доктор не дал договорить, поднял свободную руку, призывая меня умолкнуть. В помещении воцарилась тишина. Я обернулся. Один стрелок остался у входа, а тот, что возник в проломе, куда-то исчез. Доктор быстро вколлот Чинга невесть откуда взявшийся шприц-тюбик, отбросил. Отставил штурмовую винтовку к стене, после чего стащил сталкера с обломка на пол. Натянул себе на голову мощный налобный фонарь и принялся вынимать из ранца контейнеры из нержавеющей стали и открывать их.

Я понял, что Чинга будут штопать прямо здесь. Док всучил мне второй фонарь, показал, куда светить. Я старался не смотреть, что происходит под светом, лишь краем глаза следил, чтобы луч не смещался и не дрожал. Думал: «Хорошо, что не стал потрошить шмотник сталкера и тем более торопить события. Некрасиво получилось бы, застань они меня за этим занятием».

Глядя на уверенные движения врача, у меня больше не возникало сомнений насчет пребывания Чинга в этом мире. Прежде чем приступить к операции, доктор извлек из отделения в ранце пакет с бурой жидкостью и соединил капельницей с веной на локтевом сгибе сталкера. Левая моя рука вполне сгодилась под держатель.

Стоя на коленях, низко склоняясь над раной, врач кропотливо работал хирургическим инструментом минут пятнадцать. Я слышал, как он громко сопел в усы, чувствовал запах спирта, краем глаза видел, как подрагивал луч моего фонаря.

В какой-то момент снаружи раздалась автоматная очередь. От неожиданности я вздрогнул.

– Свети, – снизу раздался требовательный голос.

Я поправил свет и боязливо глянул через дверной проем. Ничего не было видно, кроме куска земли, поросшего сухой травой, части полуразвалившейся дежурки с прогнившей и обвалившейся шиферной крышей, изгиба растрескавшейся дороги, перевернутого ЗИЛа и бетонного забора.

Снова ударили из автомата уже справа. Послышались неразборчивые громкие голоса. Как потом оказалось, наемники отгоняли крыс, почуявших кровь.

Глава 5. Должник с вымпелом

Мне пришлось нести Чинга и дальше, только не на закорках и не одному. Наемники Тыча и Мороз быстро соорудили из обломков труб и куска брезента с ЗИЛа носилки. Для удобства подвязали к краям веревки, так, чтобы при переноске раненого тяжесть ложилась в основном на плечи. При необходимости можно было вести стрельбу, не опуская носилок.

«Паланкин» несли по очереди, доктор в том числе. Чинга пришел в чувства спустя час после операции. Поднялся на локтях, задвигал рукой вокруг себя в поисках винтовки. Сергеич – так звали медика, дал команду остановиться и опустить раненого на землю. Во время незапланированного привала он рассказал Чинга, что случилось. Тот, понурив голову, – думается, был слаб, к тому же сказывалась анестезия – рассеянным взглядом смотрел куда-то в землю, изредка вскидывал голову и озирал присутствующих мутными глазами. Слово за словом, док достал из аптечки белый шприц-тюбик и с разрешения сталкера кольнул ему в плечо.

Последующие четыре часа Чинга не просыпался. За всю дорогу происшествий не случилось, и только на последнем километре до научной станции на нас напали. Как потом говорили наемники, снаркине никогда не уходили так далеко от своего логова на металлургическом заводе.

В сгущающихся сумерках передний дозорный Тыча не заметил в зарослях ивняка то ли притаившегося, то ли спящего мутанта. Ломая ветки, снарк взметнулся тенью и сверху опустился на человека. Наемник только успел выкрикнуть: «Снорки!». Тварь обрушилась на него всей массой, ударила ногами в грудь, да так, что Тыча отлетел метра на три, при этом снарк умудрился когтями полоснуть его по лицу. Стрелок мешком упал на спину, бестолково выпущкая очередь в темное небо. Из зарослей выскочил другой снарк, набросился на поверженного Тычу, яростно принялся лупить его лапами.

В наших рядах произошли толчея и паника. Карта легла так, что носилки в момент нападения несли я и док. Наемники шли в охранении. Один впереди метрах в десяти-пятнадцати, второй сзади.

Мороз бежал, ломая ветки, и орал, чтобы мы с доком «съебнули» в сторону. Опасаясь ранить нас, он не стрелял. Как перегруженный лесовоз, мы с Сергеичем приставными шагами топтались на месте. Он освобождал путь вправо, а я влево, получалось, что мы, два идиота, не сговариваясь, перегораживали стрелку путь.

– Влево! Влево, док! – крикнул я Сергеичу. Он не сразу сообразил, что делать, и еще два шага забирал вправо. Я уже сам вознамерился идти в ту же сторону, но тут он остановился и, как парализованный, короткими шажками начал переступать влево. Я отпустил трубы, носилки тяжестью повисли на плечах. Потянул с плеча СГИ и уже готов был стрелять в мутанта, убивающего Тычу, как носилки вдруг дернулись, ствол винтовки нырнул вниз. Я уставился на Сергеича. Тот стоял на коленях, тарачился на заросли и прижимал к груди руки. К нему шустро, вприпрыжку, боком бежал мутант. Обрывок шланга болтался из стороны в сторону и хлестал по маске противогаза. Доктор выпучил на него глаза и что-то бормотал.

Из-за спины раздались выстрелы. Совсем близко. Они прозвучали оглушительно громко. Я вздрогнул и обернулся. Мороз двигался широким шагом и стрелял. Он прошел мимо, крепко прижимая щеку к прикладу, одиночными прицельно лупил по приближающемуся снарку. Очередная гильза выпорхнула из выбрасывателя и угодила мне в щеку. Затем, горячая, скатилась за воротник. В первое мгновение она ощутилась раскаленной каплей металла. Я вскрикнул, сбрасывая веревку с носилками, сильно наклонился вперед. Не обращая внимания ни на слетевшее кепи, ни на брякнувшегося на землю Чинга, судорожно оттягивал воротник и тряс куртку, стараясь вытряхнуть гильзу.

Тыча стрелял и орал нечеловеческим голосом.

На базу мы прибыли с потерями. Теперь на носилках лежал покалеченный наемник. Его несли доктор и Мороз, а я снова стал подпоркой для Чинга.

Мы торопились. Темнота быстро сгущалась, и хищный лес становился все опаснее. Мороз танком пер вперед и тянул за собой доктора. Сергеич едва поспевал. Спотыкался, враскоряку ставил ноги и чудом не падал. Мы с Чинга хотя и торопились, все же отстали. Чинга не стал забирать у меня автомат. С кольцом в правой руке, опирался на меня левой, вертел головой по сторонам и не выказывал нервозности. Я же умирал со страха и переставлял конечности на пределе возможностей. Со лба лил пот, ноги не выпрямлялись, в бедрах жгло, словно в них закачали кислоту.

Я не надеялся на полуживого сталкера, который снова сделался для меня обузой, гирей на ноге, петлей на шее, мать его. Вряд ли стал его спасать, выскочи из леса мутанты. Бросил бы и бежал, не оглядываясь, при этом молил Всесоздателя, чтобы сталкерок пришелся тварям по вкусу и задержал их, пока я не догоню носильщиков.

На звук выстрелов к нам навстречу выдвинулись охранники станции. Встретились на торфянике среди гнилого леса и топи. Чинга подхватили два бугая, легко потащили к вышкам, чернеющим на фоне вечернего неба. Я ощутил стремительный рост во всем теле и даже привстал на носочках, словно готовился взлететь.

Ошалелый Сергеич с трясущимися руками, прежде чем приступить к операции, потребовал стакан разбавленного спирта.

Тычу спасти не удалось. Зато Чинга подавал надежды. Меня оставили ночевать и покормили даром. Наутро был приятно удивлен, увидев ветерана, сидящего на соседней койке. Он возюкал по физиономии зудящим приборчиком, напоминающим большую улитку.левой рукой с примотанным пластырем катетером держал перед лицом небольшое зеркальце. Улиткой оказалась заводная бритва.

Хотя Чинга был еще бледный и осунувшийся, чувствовалось, что жизнь в нем упорно берет свое. Он сидел в зеленой футболке, в армейских чистых брюках (скорее всего, его грязные, перепачканные в крови выбросили), босой. Ничего особенного – блондин с редкой проседью, среднего телосложения, метр семьдесят – метр восемьдесят роста, подтянутый, сухой, физически развитый, с крепкими жилистыми руками. Натянутые под кожей сухожилия представлялись мне тросами, а выпирающие вены – гидравлическими шлангами.

Я много встречал сталкеров разного роста, и веса, и цвета, но с таким добродушным, бесхитростным лицом не припомню. Оно постоянно притягивало взгляд. На него хотелось смотреть.

После сытного завтрака в боксе для выздоравливающих, воцарилась атмосфера, располагающая к разговору. Я, наконец, узнал, как Чинга оказался возле коллектора. В нескольких словах он рассказал, что держал путь в Ржавый лес на встречу с неким Шарой. Услышал неподалеку пальбу. Понял, что стрелок один. Поспешил на помощь.

На его месте я бы точно не спешил. Переждал, пока все стихнет, и лишь потом двинул интересоваться, что можно подобрать. Не считаю для себя зазорным разжиться на мертвечах. Стволы, патроны, аптечки, снаряга, инъекции, бинты и прочие нужные вещички здесь в большой цене. А я не особо удачливый сталкер, у меня вечно с этим напряг.

Также узнал, что я подстрелил Чинга. Возможно, в тот момент, когда веером опустошал магазин по слепым псам. Сталкер сказал, что не держит на меня зла, просто несвезло, рок, фатум такой морганум.

Все дальнейшее случилось предсказуемо. Он увидел стаю мутантов, окружившую колодец, понял, где прячется сталкер. Чинга наспех перетянул ногу жгутом, благо, все было под рукой. По ходу повествования он поделился со мной полезной «фенечкой». В тот рейд, словно сама зона шепнула, приклад своего СГИ обмотал жгутом, а под него сунул перевязочный пакет.

Я и сам порой встречал сталкеров с резинками на прикладах, но не придавал этому значения. Думал, чтобы не скользил или чтобы щеке было мягче, когда целится.

Так вот, после перевязки принялся Чинга методично отстреливать псин. Одну за другой. Хорошая оптика, глушитель позволяли делать это метко и незаметно. Покончив с мутантами, вытащил меня, полудохлого, из коллектора. И да, я успел пристегнуться. Чинга рассказал, как сначала не понял, что меня держит. Пришлось лезть и отстегивать.

Вот, собственно, вся теневая часть истории, остальную я знал даже больше, чем некоторые, и о ней благоразумно умолчал.

Я смотрел на Чинга и гадал, что он за человек? Вот так просто услышал выстрелы, пошел на выручку. Кроме того, что я его ранил, он тратил время не на добротную перевязку и незаметное отступление, а на отстреливание мутантов. Расходовал патроны, дербанил аптечку, кровь терял, наконец. Я слушал и все ждал, когда же он назовет сумму. «Набивает цену, щас как выкатит, по гроб жизни не расплачусь. И харя с добренькими глазками здесь ни причем». Десять раз пожалел, что не встал спозаранку и не ушел, пока спаситель спал.

Но Чинга опять меня удивил. Сказал, что, оказывается... черт его дери, он мой должник. Представляете? ОН. МОЙ. ДОЛЖНИК. Я помалкивал, тупил взгляд и судорожно соображал, что же я такого сделал. Сталкер пояснил: за то, что я его не убил и не обобрал, когда был шанс.

Ха-а. Знал бы этот добряк совестливый, какие мысли бродили в моей головушке, пока он летал по закоулкам нижнего мира.

Я смекнул, что к чему, и тут же предложил рассчитаться. Да, вот так прямо в лоб, не моргнув глазом, пожелал, чтобы он взял меня в напарники. Столкнулся с его ледяным взглядом, чутка поправился. Попросился под крыло всего-то недельки на четыре-пять. Подучиться, поднатореть, так сказать. В голове у меня на самом деле сидела другая мысль.

По дороге к научной станции было время приглядеться к вооружению, снаряге сталкера и понять – этот бродяга не первый день «зону топтает», знает ее законы и повадки, где она, стерва, призы прячет. Хотя ветеран и был ранен, я прекрасно видел, как он чуял гнилые места и аномалии – не хуже мутантов. Направлял меня в обход, где надо, останавливал, а то и возвращал. О его меткости говорил раньше. В общем, решил к нему навязаться, забрать долг энным количеством хабара, а заодно знаний подкопить.

Еще не договорились, а я уже представил, как заруливаю на «бене» в свой Закопинск. Публика на «центраке» оборачивается, каменеет и перешептываются: «Кто таков? Что за точило? Мне дурно, в глазах темнеет, держите меня, не то грохнусь». Я с кнопки опускаю «тбнир», сигаретку отстреливаю «турманом». Пацанва бросается подбирать фетиш. Я бровями сдвигаю на лоб очки, и тут меня узнают. У Сохи челюсть коронками лязгает по асфальту, Ритка глаза выпучивает, ноги от слабости подгибаются, рукой за штaketник хватается...

– Две недели, – выдергивает меня из сказки голос с соседней койки. – Четырнадцать дней вполне хватит поднатореть. Если способности имеются, то проявятся, а нет, так и учить нет смысла. Каждый родится, да не каждый в охотники годится, – вождь пальнул в меня оценивающим взглядом.

– Так-то да, – поспешил согласиться я.

«Две, конечно, не четыре, но тоже неплохо за хвост-то собачий». Мы ударили по рукам, и вновь подобревший Чинга предложил обменяться вымпелами. Он сказал, что такая традиция (впервые слышал), надо что-то оставить своему спасителю на память, амулет удачи, так сказать, тот в ответ должен алавердынчик сделать.

Чинга подарил мне пистолет, не тот, что в кобуре на разгрузке носил, а тот, который вытащил из шмотника. Отстегнул предохранительный ремешок и извлек новенькую блестящую беретту. Я же, нищеврод распоследний, в ответочку пошарил по карманам и явил на свет божий зажигалку. Обычную трехкопеечную китайскую, без лейбла, синюю, с остатками газа, с выцарапанной мною лично буквой «С» – Смит, значит. Он даже не поперхнулся. Взял, повер-

тел в пальцах, про буковку спросил, кивнул и убрал в нагрудный карман. Я едва сдерживал улыбку, глядя на то, с каким серьезным видом он принял, обоссаться и не встать, мой «вым-пел».

Неделю мы еще кантовались на станции. Много мне выведать не удалось. Исследовательский отсек запирался, и доступ туда имели лишь научники. Поговорить удавалось только с Сергеичем. Но он не был в теме. «Да бес их знает, – говорил док, пощипывая усы, – запираются и колдуют. Щелкают какими-то машинками, установками гудят. Время от времени приходят сталкеры, шушукаются с ними в кладовке, что-то друг другу передают и разбегаются».

При свете люминесцентных ламп я рассмотрел физиономию доктора. Сетка сосудов пронизала свекольные щеки и нос, мыльные глаза постоянно слезились, нестриженные волосы лежали копной, трехдневная щетина завершала неопрятный лик пьющего человека. Из семи утренних осмотровон лишь однажды не пыхал перегаром.

Вспоминаю, когда тащили Чинга, он тоже был под градусом. Я еще подумал, что-то спиртяжкой тянет подозрительно, наверное, пузырек плохо закручен, пролился. В общем, спивался док от безделья и тоски окончательно. Все разговоры Сергеича сводились к одному – когда же, наконец, его сменят. Рассказывал, как не смог привыкнуть к завываниям с болот, к ходячим трупам, к выстрелам с вышек, которые будят по ночам, и чтобы снова заснуть, приходится глотать «снотворное» стаканами. Жаловался, что не предоставили лаборатории, как обещали, что не может вести научную работу, отчего страдает и заливают горе ректификатом.

Чинга оказался общительным мужиком. А в той скучотище, где мы оказались запертыми, только и оставалось, что языками чесать.

Где только его ни носило, куда только жизнь ни забрасывала. После срочной службы на погранзаставе в Диксоне остался Чинга на Таймыре. Сначала докером в порту вкалывал, потом в Хатанге с рыболовами на сейнерах ходил по Карскому морю. Сига, тайменя, осетра – ложками ел. Видел белых медведей, моржей, тюленей, китов. Потом олениводом заделался, женился на дочери шамана нганасанов. Полгода в юртах кочевал по тундре. Говорит, жил, как в тумане. Шаман его на какую-то дурь убойную подсадил. Кое-как сбежал. До сих пор в ушах время от времени бубен стучит, слышатся завывания клятого колдуна. После его «волшебной» трубки курить совсем бросил – хоть какой-то плюс.

Затем подался в Пуринский заказник. Природа сказочная: и тебе горы, и скалы, и реки, и озера, и леса, и тундра... Долгое время работал тамошним лесником, пока однажды не повстречался с отморозенными браконьерами. В ссоре, которая переросла в перестрелку, был убит его напарник Володька Меркушин. Из своей сайги Чинга уложил всех пятерых кракенов. Был суд. Дали срок. После отсидки в лесничество уже не вернулся, как-то вся охота вдруг прошла. А тут старый приятель позвал дома строить «утопленникам-переселенцам» где-то под Ростовом. Мол, бум, рук не хватает, четыре бригады отправил, еще трэба.

Какое-то время колесил Чинга с бригадой по стране. На Урале от коммерсанта, которому коттедж варганили, узнал о зоне отчуждения, об артефактах, о ценах на черном рынке. «Вкалывать не надо, ходи, под ноги смотри, хабар собирай по сторонам не щелкай. Если придется, шмаляй не раздумывая». Посоветовал к свободовцам пристать, так легче выжить. Дал телефончик проводника. Чинга сразу не воспользовался. Еще два года кирпич двигал.

Я так и не понял, что его заставило сподвигнуться. То говорил, здоровье начало сдавать, то на пенсию вздумал отложить, то махнуть на Мальдивы и все там спустить. Мне, честно сказать, плевать. Спрашивал так, к слову.

О себе я не распространялся, дескать, нечего говорить: долги душат, на учебу скопить хочу. Как выберусь из зоны, буду поступать в «Плешку». Про мечту свою двенадцатицилиндровую и полоцкую принцессу, понятное дело, умолчал. Специально выдумал благородную цель, чтобы делился ветеран со мной охотнее и не щемил зря. Хотел мамку больную еще приплести, но подумал – перебор будет. Не поверит.

Глава 6. В рейд

По-четкому, надо было бы еще пару-тройку дней полечиться. Но вмешался случай. К Чинга пришел некий сталкер, сказал: «Навестить больного». Я сразу не поверил в его заботу. Здесь, в зоне такого не бывает. И рожа у него не из сердобольных. Хмурый, колючий, кожа на руках дубленая, почти черная, сутулый, уши торчком, лицо справа обожжено, в стяжках и розовое, как у младенца. Камуфляж на нем хоть и дорогой был, но штопаный-перештопаный, грязный, а воняло от него, как от бомжа заскорузлого. Я бы и сам не выдержал, ушел, не надо было просить.

Старые знакомые немного покалякали в моем присутствии о погоде, о болонках, затем вонючий, по прозвищу Колым, выразительно так посмотрел на Чинга и в мою сторону легонько кивнул, думал, я не замечу. Чинга кашлянул, сказал:

– Смит, дружище, сходи подыши свежим воздухом, мне с товарищем поговорить с глазу на глаз надо.

– У меня сигареты кончились, – буркнул я в ответ, пользуясь случаем.

– Возьми у Матвеева, пусть на меня запишет.

«Вот и ладненько», – я мысленно похлопал ладошкой по левому брючному карману, где покоилась половина «Кента», и с охотой оставил провонявший бокс.

Долго они там секретничали, однако, минут сорок, не меньше. Когда дверь базы распахнулась и на пороге появился Колым, мы с Мухой курили уже по третьей. Вонючка ушел через скрипучую калитку. С вышки я еще некоторое время провожал взглядом его сутулую фигуру, похожую на кочку. «Куда-то ж он теперь направляется, этот бродяга неугомонный, – думал я, попыхивая табачком. – Хабар искать? Или в берлогу отлеживаться? А может, в бар надираться? Где и как найдет он смерть, одному Богу известно». Почему-то я знал, что он уже из зоны не выберется. Он стал ее человеком. Это чувствовалось во всем: начиная от запаха и кончая повадками. «Сам не уйдет. Будет шататься, пока зона не приберет. Может, в аномалии сгинет, может, в когтистых лапах химеры испустит дух, или найдут его бледного, обескровленного, с отметинами кровососа, или сожрут слепые псы, или погибнет от пули мародера, или... Господи, – поразился я свои мыслям, – да сколько же здесь вариантов сдохнуть?» – мороз по коже прошелся, неприятно зашевелились волоски на руках.

Между тем Колым незаметно растворился в высоком кустарнике. Я с удивлением поискал его глазами там, где он был мгновение назад. Ни одной веточки не шелохнулось.

Я вернулся в бокс. Чинга сидел на кровати и что-то писал химическим карандашом в потрепанном блокнотике. На мое появление никак не отреагировал, продолжал строчить, иногда закатывал глаза к железному потолку, жевал губу, затем снова водил карандашом. Привычку у него такую заметил, как начинает «глобальить», так зубы сразу на брылю нижнюю набрасываются и покусывают, покусывают, словно между ними связь имеется.

Вонь грязного тела и маринованного пота настойчиво лезла в нос. Я поморщился, оставил дверь приоткрытой. Мне не терпелось узнать, о чем они тут секретничали, но наглеть не решался. Подумал: «При случае кину удочку».

Весь оставшийся день Чинга оставался молчаливым, погруженным в себя, отчего вкрадилось волнение насчет нашей договоренности. Не исключал, что при определенных обстоятельствах наставник перенесет ликбез или вовсе откажется от взятых обязательств. С нарастающей тревогой ждал момента, когда Чинга заговорит, и уже исподволь мысленно оттягивал этот момент.

В четыре часа пополудни, как доктор прописал, прихрамывая, Чинга пошел нарезать по базе круги. Уже со второго дня он отказался от костылей. Нога заживала быстро, без осложнений.

Вернулся Чинга через час, лег на кровать и опять ни слова. Я весь истомился, украдкой взглядывал на сосредоточенное лицо и все пытался угадать его мысли.

За ужином Чинга заговорил: «Лучше плохой день на охоте, чем хороший день на работе. Завтра уходим». С сожалением я поинтересовался, куда это нас черт припек? Мне нравилось на базе – калорийное трехразовое питание, безопасность, спокойный сон, безделица. Давненько не ходил у судьбы в баловнях.

– В Мытное.

– Это где? – спросил я, борясь с охватившей меня двоякостью, – радовало, что уходим вдвоем, расстраивало, что все же уходим.

– На той стороне Припяти, недалеко от моста.

– У моста? У того, что через «поплавок»?

– Нет, у того, что от Полигона справа.

– Он же разрушен.

– Там свободовцы подвесной смастырили. Уже месяц народ ходит.

– И зачем нам туда? – я представил жопу мира, и она показалась ближе. Там же до Чернобыля рукой подать. Я внутренне содрогнулся.

– Проверить кое-что надо.

– Да? И что же? – приборзел я.

– Потом узнаешь, – буркнул Чинга, взглянул на меня с такой очевидной укоризной, словно томагавком замахнулся.

– А что со снарягой? У меня кроме пээма и трех патронов к нему дуй в кармане, – примирился я.

– Я с Паниным договарюсь, дадут что-нибудь.

– Что дадут?

– Ложимся рано, прямо сейчас, – пробурчал сталкер, игнорируя мой интерес.

Когда я вернулся после обязательного «послетрапезного» перекура, Чинга уже мирно сопел. Не включая свет, я прокрался к своей койке. Спать не хотелось, лежал с открытыми глазами, припоминал все, что слышал и знал про второй мост и Мытное. Оказалось, ничегошеньки.

В кредит у научных для меня Чинга взял подержанный «Чейзер», «Фору» таксебешную, к ним патронов, «Велес», аптечку, горсть гаек. Сам основательно пополнился провиантом, боеприпасами, аккумуляторами и еще по мелочи.

Не надо считать на калькуляторе, чтобы понять, сколько все это добро стоило. Подумал: «Если подотчетные скряги дают ему в долг, значит, уверены, что вернет». В моих глазах вождь сразу набрал сорок очков кредиту.

Встали в шесть, а в семь за нами уже закрылась скрипучая калитка. До этого момента удалось выяснить, что по пути заглянем в пару мест и установим сейсмические датчики.

Оказавшись за забором станции, я вдруг ощутил себя червем, выползшим на автостраду. Куда делись все навыки, теория-практика? Неужели за неделю можно так размягчиться? Я же не новичок.

Мир снова стал хлипким, а ценность жизни сверзлась до уровня грязи на подошвах берц. Я в нерешительности стоял у калитки, не смея отчалить. Чинга же взял курс и широким шагом сквозь рыхлый туман направился по поросшему ивняком торфянику в сторону леса с сухими никлыми елями, похожими на скелеты безголовых рыбин.

В тумане сталкер терял цвет и очертание, словно снег таял в воде. Казалось, еще несколько шагов, и он пропадет, подобно Колыму, исчезнет, провалится сквозь землю. С молотком, тревожно стучающим в груди, я поспешил вслед за ускользящим фантомом.

Без проблем миновали торфяник, перевалили через дорожную насыпь, после чего Чинга замедлил шаг. Аномалии стали встречаться чаще. Сталкер не торопился, с детектором перед

глазами обходил их без гаек, словно ощущал границы. Был сосредоточен и нем, взмахом руки пресекал мои попытки заговорить. На более-менее свободных от аномалий участках пускал меня вперед. Если что-то делал не так, негромким «пс» Чинга останавливал меня. Я оборачивался, он пальцем показывал, на что обратить внимание. Я смотрел, кивал, поправлялся, и мы шли дальше. Я специально строил из себя новичка-неумеху, эдакого трояка зеленого, салабона-отмычку, заискивал перед ним, все разрешения спрашивал – а туда можно? а сюда можно? Все хотел подальше к нему под крыло забраться, внушить ответственность за душу наивную и беззащитную.

Все шло без сучка, без задоринки. Ветеран знал, куда идти, что делать, и моя голова ни о чем не болела, примерно так, как у ослика на веревочке. Но случались и проколы.

Как-то перекусывали в полуразвалившейся избе, вдруг из пролома в потолке вываливается нечто черное, мясистое, напоминающее гигантскую пиявку. Грузно шмякается на деревянный пол, словно целлофановый пакет с холодцом. Доски под морщинистым тело покрытым чердачной пылью, стружками, мусором всяким затрещали.

Мы вскочили, схватились за пухи. Позади стена, проход к двери тварь перегородила, окно далеко. Как-то сразу неуютно и страшненько стало. Уж больно близко пиявка эта к нам оказалась вдруг.

– Тихо, – шепнул Чинга, – замри.

Я и без команды оцепенел, только глаза тарашу и за «Чейзер» держусь, будто за поручень. Как сразу не пальнул?

Тем временем нечто неторопливо вытягивалось, утончалось верхней частью, гнулось в нашу сторону. Как усик улитки, ощупывало воздух, двигалось в стороны, тыкалось в пол, в тумбу, задело ножку стола. Раздался скрежет по половицам. Тварь вздрогнула, отдернулась, затем снова вернулась к ножке уже смелее. В какой-то момент все ее тело зашевелилось, пошло волной, и она уверенно потекла к нам.

Я трясущимися руками поднял дробовик. Чинга помотал головой, осторожно свернул полотенце, на котором лежали черный хлеб и ломоть сала, бесшумно поднял с пола вещмешок, поместил в него узелок. После чего привлек мое внимание фирменным «пс», взглядом указал на дверь. Я кивнул. Чинга с размаха ударил ногой в столешницу, опрокидывая стол на мутанта. В мгновение ока тварь расплющилась, словно четвероногий упал в лужу, обхватила его со всех сторон и сдавила. Раздался треск, брызнул фонтан щепы, полетели доски. Пользуясь моментом, мы бросились к двери. Ушли, оставив мутанту довольствоваться русским духом и крошками со стола.

На краю деревни остановились в сарае с земляным полом, без чердака, без окон, с косой дверью. Я спросил у Чинга, что за хрень свалилась нам на головы? Продолжая линчевать шмат сала, он пожал плечами, без интереса сказал: «Есть мутанты, которых много, они всем глаза уже намозолили, есть редкие, которые обитают только на определенных территориях, к примеру – лупыри за “Крестом Брома”, а порой попадаются единичные экземпляры, как та клякса. Сам впервые увидел».

В общем, я любил привалы не только из-за того, что на них можно пожрать и курнуть. В эти короткие минуты вождь вещал интереснейшие истории о зоне как из собственной практики, так и из свидетельских источников.

Узнал о таких аномалиях, что не поверил бы, не расскажи о них ветеран. «Вот, к примеру “зыбучая”, – говорил он как-то, счищая веткой грязь с подошвы, – такой феномен встречается в холмистой местности, западнее ЧАЭС, где особенно обильно посыпало цезиевым пеплом. Земля там жидкая. Кошнется под ногами, что трясина. Не заметишь сразу волну – деревьями задавит. Другое – “автоген”. Эта аномалия болота любит. При приближении к ней кончик носа начинает зудеть и голени чесаться. Воздух как будто чище становится, дышится легко, словно в высокогорье. На гайки не реагирует, детектор ни гу-гу, вся надежда на ощущения. Зевнул, шаг

другой лишний сделал, и вокруг тебя в радиусе десяти метров вдруг поднимаются уголья раскаленные. Не прям уголья, но что-то близкое по свойствам. Медленно так воспаряют, как стая светляков. Зависают астероидным поясом на трехметровую высоту и не спешат опускаться. Если запаникуешь, попробуешь быстро выскочить – считай, что труп. Все тело в дырочку будет, как дуршлаг. Прожигают они тело насквозь, даже автомат плавят. От такой напасти одно спасение – стоять и ждать, когда уляжется. Час-два, и можно выбираться, только медленно, осторожно. Не дай бог, дернешься или чихнешь – угольки снова подлетят. И счастье, если остановился не над одним из них».

«Запорож» я сам видел. Смеркалось, полем подходили к заброшенному селу. Чинга хотел в разрушенной церкви ночлег устроить – место у него там безопасное. Я шел первым, вдруг слышу «пс-пс». Встал как вкопанный, обернулся на сталкера, а он пальцем влево тычет и глазами стреляет, посмотри, мол. Посмотрел я. По раздолбанной грунтовке летит «горбатый» желтого цвета, подпрыгивает, раскачивается на колдобинах, того и гляди перевернется. Подкатил ближе, слышу, песня из динамиков грохочет: «...едем, едем в соседнее село на дискотеку. Едем, едем на дискотеку со своей фонотекой...»

– Прошлый раз меньше было. Вон сколько уже набилось – просвета нет, – послышалось рядом негромко.

Я повернул голову. Чинга с биноклем у глаз следил за развеселым ЗАЗом.

– Кто это в нем?

– Попадись под колеса – сам узнаешь. Компания у них там тесная, и все из задавленников. Вначале, говорят, двое было. Сейчас больше десятка.

– И как часто в соседнее село гоняют?

– Каждый божий день.

Запорожец тем временем скрылся за поворотом, а с ним и музыка стихла.

– Это аномалия? – спросил я.

– Может, и аномалия, никто толком не знает. По крайней мере, никто из того «запорожа» не возвращался. Реку никогда не переезжают, на мосту пропадают, затем через двадцать четыре часа возникают во дворе крайнего дома и через распахнутые воротаснова несутся к дороге.

Вождь не раз мне повторял: «Аномалии заметить несложно, надо только уметь правильно интерпретировать посылаемые ими сигналы. Вдруг ветерок подул, а лист на дереве не шелхнется, когда трава под берцами начинает хрустеть и сыпаться, когда есть тень, а того, что ее отбрасывает, нет, и наоборот; когда в поле, в лесу, на болоте пахнет тем, чем не положено, асфальтом, к примеру, или солярой, или хлебом из печи, когда кожу покалывает от мороза, когда подташнивает, когда в горле вдруг пересыхает или першит, когда начинаешь медный привкус во рту чувствовать, когда вдруг слабость наваливается, когда волосы ни с того ни с сего встают дыбом... На все, буквально на все надо обращать внимание и не торопиться, найти время задать себе вопрос, к чему бы это?»

В общем, ничего сложного. Теорию я быстро усвоил, но вот практиковать не очень-то получалось. Бывало, иду, жалом по сторонам вожу, мысли как-то невзначай в голову разные лезть начинают, пейзажи осенние глаз замыливают, мысли становятся вязкими, словно раскидают от этой непроходящей хмари, и тут как детектор защелкает. Вздрагиваю, сердце в галоп, тело будто проволокой раскаленной пронизывает. Замираю, смотрю на приборчик и ощущаю щекой, что теплом справа тянет, как от печи. Не зазевайся, заметил бы раньше. «Жарку» проще других аномалий определять.

Оборачиваюсь, смотрю, Чинга стоит метрах в пятнадцати позади и головой так укоризненно покачивает, мол, сколько бездаря ни учи, все не впрок. Он еще там аномалию заметил, остановился. Не стал одергивать, смотрел, когда же лось наитупейший, наконец, просекет «жарку» элементарную. А бывало, и гайкой запулит. Больно так промеж лопаток или по затылку. Поначалу немало он мне шишек наставил.

Надо сказать, что к моменту знакомства с Чинга я не был салагой. Поначалу ходил отмычкой с группой Татарина. Нормальные парни там были, кое-чему подучили, худо-бедно хабаром делились. Когда накопил на АК и сносную снарягу, откололся. Далеко один не забредал, вблизи «Деревяшки» крутился. Но бывало, корешился с кем-нибудь из ветеранов и на дальняк закидывался. Был на Янтаре, на Свалке, на металлургический завод хаживал, разок даже в Лиманск рискнул.

С ветеранами ходить невыгодно и опасно. Они сами с усами, не очень-то в отмычках нуждались. Все целили меня на непроход сунуть, хабаром делились неохотно. Блоха на обратном пути даже пристрелить пытался. Еле живым ушел. Правда, из той ходки он сам не вернулся. Хотелось думать, зона его наказала. Но скорее всего, подался Блоха в другие края, не с руки ему было после такого возвращаться на базу.

Первая вылазка с Чинга складывалась плохо. В конце концов, я перестал придуриваться и начал стараться. Терпению вождя при жизни надо памятник ставить. Каким же я тогда казался себе неумехой. Раньше только на детектор полагался. Пикнет, где надо, я гаечку туда, нащупаю границу и стороной. Все чики-пики. Какое чутье? Какие мембраны? Сигналы? Интерпретировать? Seriously?!

Он запретил включать «Велес». Это было равносильно лишению диггера – фонаря, дайвера – акваланга, слепого – палки. Плевать, что рассказал о проявлениях аномалий. Я и без него знал. Вот как не прощелкать их – это задачка. Ладно, «карусель», «жарку», «комариную плешь» только слепой не заметит, а «трамплин», а «мясорубку», а «ведьмин студень»...

Шел я, словно по минному полю. Вроде и за себя стыдно, за трусость свою, а с другой стороны, без детектора раньше не приходилось. Чинга же щелкал аномалии как орешки, не спеша по-деловому, словно гроссмейстер сеанс одновременной игры: «Так, следующий. Ага, что здесь у нас?».

Чтобы я поверил вверность его определений – гайку швырял, все подтверждалось. «К чему эти фокусы? – злился я, одновременно поражаясь его талантам. – За хер тогда “Велеса” брали?».

Один раз остановились и стояли долго. Вождь прислушивался, воздух нюхал, даже зачем-то кепарь снял, потом кидал гайки, когда и это не помогло, включил детектор. Тот сразу затрепещал и показал наличие химической аномалии.

– Ну конечно, – Чинга хлопнул себя по лбу, надел кепи, – «чесотка». Редкая аномалия, я вам скажу, и противная. Для здоровья не опасно, но, если вялаешься, чесаться будешь дня два. «Счастливики» рассказывали, так зудит, словно под кожей целый муравейник. Думать ни о чем не можешь, руки постоянно чесаться тянуться. Ночи не спали, расцарапывали голени, бедра, бока, животы в кровь. И нет от нее спасения, пока сама не пройдет.

Если «чесотка» схватила – скорее ищи укромное местечко. Пострадавшие свидетельствовали – так завернет, что отстреливаться от крыс, кабана или, скажем, от слепых псов никакой возможности. Грабку от зудящего места оторвать нет сил, а если все же удастся, то автомат в руках, как отбойник скачет.

Глава 7. «Чистое небо»

На третий день пути Чинга получил сообщение. Прочитал с ПДА, минуту-другую сообщал, потом сказал:

– Надо к Забытому лесу свернуть. Здесь недалеко.

– Зачем это? – спросил я, плохо скрывая раздражение, – жуть как не люблю менять планы.

– Чистюли помочь просят.

– Черт с ними, у нас своя задача. И лес этот не близко. Полдня потратим...

– Тебя, паря, никто не держит, – бесцеремонно перебил меня Чинга каким-то новым, вдруг ставшим чужим голосом. Прищурился недобро, глянул в сторону, – вся зона перед тобой. Мне подсказчики, знаешь ли, не нужны, – развернулся и потопал.

Я потом сто раз пожалел, что попытался рулить. Поспевал за сталкером, как сямка побитая, все искал повода заговорить. Он заговорил сам, и по голосу было понятно, что зла на меня не держит: «Давай, Смит, дуй вон на ту корявую сосну. Возле нее остановись и возьми на два часа, после можешь детектор включить».

Я вприпрыжку обогнал его и зашагал на ориентир. На первом же привале извинился, Чинга только махнул рукой: «Забудь».

Без четверти пять по полудню слышали отголоски разрозненной стрельбы. И мы шли прямехонько туда. «Твою мать, – думал я, – ну конечно, нас там только и не хватало. Где же еще нужны помощники? Уж точно не тушенку уплетать и хабар делить».

На опушке леса у пересечения двух троп нас встретили. С поля из высокой травы примерно в двадцати метрах справа послышался голос:

– Чинга, не стреляй, мы от Салеха.

– Хорошо, – Чинга опустил ствол, – покажись.

Секунды через три вздыбилась кочка и выросла в человеческий рост. Через минуту левее от нее выросла вторая. Они были в маскировочных плащах, напоминающих стожки, эсвэдэшки обмотаны зелеными, серыми лентами.

Стрелки подошли. Мне было любопытно поглазеть на чистюль, раньше не приходилось. «Чистое небо» – весьма скрытый клан, вроде бы занимаются чем-то околонучным.

Смотреть оказалось не на что – рожи размалеваны гримом, сами обвешаны лохмотьями в цвет травы.

По зарослям Забытого леса нас провели к хорошо сохранившейся после взрыва реактора базе экологов. На бараках читались полусгнившие таблички, напоминающие о былом: инструментальная, склад, лаборатория, биологический корпус, персонал. Рахитные деревца разрослись на плоских бетонных крышах буйным цветом, мох покрывал кирпичные стены обширными плешами, с карнизов по большей части одноэтажных барачков свисали «ржавые волосы», стекла в разошедшихся рамах поколоты, много выбитых.

Из окон самого высокого двухэтажного здания время от времени высывались стволы, изрыгали пламя и грохот. Осаждающие не отвечали.

Я смотрел в бинокль и думал: «Хорошо замаскировали чистюли свою фатеру. Вернее, не они, а зона. Хрена с два просекешь их тутс вертухи».

Меж строений, в разросшемся кустарнике и поросли виднелись широкие тропы. По одной из таких шел человек в камуфляже, без шмотника, без оружия, налегке. Шел к двухэтажному зданию. «Так, так, так, это уже интересно». Шел с поднятыми руками, в одной держал белую тряпку. «Ёп, да это же Чинга!». От изумления у меня едва не вывалился из рук бинокль. Он же вот только пять минут назад отошел перетереть с Салехом...

Чинга остановился в десяти метрах от входа, что-то крикнул, замахал тряпкой. «Матерь божья, да из него сейчас решето сделают. Вроде не дурак и не молодой, должен же чему-

нибудь... А я как? Кто меня учить будет? Хабар?» – испуг за свое будущее перевесил волнение за сталкера.

Нет, убивать не стали. «Заранее договорились, что ли? Неужели никто из всей братии, засевавшей по кустам, кроме моего вождя, говорить не умеет?». Я прилип к биноклю, едва не вдавливая его в глазницы.

Вот Чинга опустил руки, пошел по тропинке дальше, скрылся за дверью. Вследующие полчаса ничего не происходило. Чего за это время я только не передумал. Даже вильнула мыслишка – потихоньку испариться, пока затишье. Вон как не утрясет вождь проблемку, грохнут его бандюки, чистюли за меня возьмутся, как пить дать, возьмутся. «Тайна их базы умрет вместе со мной. А-я-яй», – стал осматриваться, примечать пути отхода. За стеной рядом укрывались два стрелка. Вроде бы никто откровенно меня не пас.

Я откашлялся, спросил, не обращаясь к кому-то конкретно:

– Где у вас здесь отлить можно?

– Вопрос, конечно, на засыпку, – услышал справа веселый молодой голос. Бас слева изрек: – Ссы, где удобно, только на ботинки никому не налей.

Грубо, конечно, но предельно ясно, что-то подобное я ожидал услышать. Отошел от стрелков, свернул за угол, сразу начинался лес. Прошел вдоль стены еще шагов пять, огляделся – никого. Момент хороший, но испаряться рановато. Выстрелов пока не слышно, может статься, Чинга сдюжит.

Он вернулся и напрямиком в командирский барак. Еще некоторое время царило тревожное затишье, словно, кроме людей, весь лес, развалины, небо, жучки и паучки ждали решения штаба.

А потом из захваченной двухэтажки вышел человек. Озираясь, держа калаш у плеча, боязливо по тропинке двинул в сторону Свалки, после того, как живым и невредимым удалился метров на сто, появился второй, за ним потянулись и остальные.

Под прицелом множества стволов, мародеры уходили, несли четыре тяжелых снарядных ящика и раненых. Не прогремело ни единого выстрела, хотя налетчики были как на ладони, палец прямо-таки чесался придавить спусковой крючок. Молча, в зловещей тишине, в которой только слышался хруст веток под ногами, мародеры уходили без боя и уносили добычу. Как оказалось потом, убитых они оставили хоронить местным.

Когда налетчики покинули базу, из штаба вышли Салех с Чинга, минуту еще разговаривали, затем пожали руки и расстались.

Лес остался позади, за ним и два километра полем, вот уже и день к вечеру клонится, я не выдержал:

– Че, че там было?

– Ничего особенного, – проговорил Чинга, стягивая с плеч заметно потолстевший шмотник. – Много стрелков Салех отправил в Темную долину, мутантов от лагеря отогнать.

– А-а, – со знанием протянул я.

– Но, – Чинга устраивался улечься прямо на траве и прилаживал вещмешок под голову, – как потом оказалось, мутанты не собирались нападать, они сами от кого-то драпали. Ломились от Припяти в сторону кордона. Так случилось, что на пути оказался временный лагерь небесных. Бандюкам кто-то из своих шепнул, что момент подходящий, те и бросились на базу. Захватили склад, а уйти не смогли. Чистовцы быстренько перегруппировались и обложили бандюков. Заперли в домике, а штурмовать опасаются. Там у них склад с боеприпасами и оружием, а в подвале ценное оборудование. Чилим припугнул, если чистовцы пойдут на штурм, все там взорвет к ядреной фене. Вот и сложилось положеньице и так, и сяк два раза как.

– И? Ты с ними договорился? – изнывал я от любопытства.

– Не убил волка в окладе – попадетя на приваде, – произнес вождь многозначительно. Для лучшего всасывания с полминутки подождал, затем продолжил: – Поговорил с Салехом,

взял с него слово, что выпустит бандюков. Так он ребят своих сбережет и оборудование ценное. Потом посчитается. Пришел я, значит, к Чилиму, жизнь им пообещал, а тем мало. Говорит, столько ребят положил, не уйдет с пустыми руками. По рации связался с Салехом, объяснил справедливость требования. Чистовцы потеряли троих убитыми и четверых ранеными, а шайка положила семерых и раненых пятеро. Договорились за каждого убитого, превышающего баланс, по ящику со склада. Всех устроило.

– Без тебя не могли об этом договориться? – спросил я с ухмылкой.

Чинга пожал плечами:

– Не верят они друг другу.

– А тебе поверили? – не унимался я.

Вождь не заметил шпильки или не захотел замечать, только пожал плечами. Спрашивать о призах уже было как-то не с руки, молча покосился на толстый мешок под головой сталкера.

Отдохнув еще немного, перекусив, мы снова шли по маршруту. Чинга спешил до темноты найти убежище для ночлега. Но как бы мы ни торопились, продвигались медленнее, чем днем. Сумерки стирали краски, добавляли теней и риска. Чинга шел первым. Если бы наоборот, я бы точно вляпался. Никогда раньше не видел такой ерунды.

Вождь вдруг встал как вкопанный, жестом остановил меня. Я смотрел во все глаза, вертел головой, взглядывал на молчащий детектор, снова по сторонам, но ничего подозрительного не замечал.

– Пс-пс, – слышалось впереди, – ты это видишь? – Чинга шептал, не поворачивая головы, глядя куда-то вниз.

– Что? – прошептал я, проследил его взгляд – ничего. Он же пальцем указывал не туда, куда были обращены его глаза, а правее и вниз, словно опасался взглянуть на нечто прямо:

– Там.

Я крутил яблоками, шурился, вытягивал шею, водил взглядом по жухлой траве, по краю растрескавшегося асфальта, по дорожному бордюру и ничего не видел. Но когда сдвинул взгляд влево, на краю зрения вдруг заметил темное вытянутое пятно, немногим отличающееся тональностью от сумеречного света, словно тень на тени. Припозднись мы немного, и отличить уже было бы невозможно.

Подумал, что оголовок фонарного столба могбы отбрасывать такую тень, находишь солнце в зените. Но какое, к чертям, солнце? Вечер, плотная облачность. Более того, это нечто, маскирующееся под тень, перемещалось. Да-да, оно двигалось. Медленно скользило по никлой траве, но при этом ничего не шевелило, как луч фонаря, только наоборот – антисвет.

Мы стояли и тарасились на необъяснимость. Первым пошевелился Чинга, сделал плавный шаг назад, рукой показал, чтобы и я отходил.

– Что за хрень? – были первыми мои слова, когда обошли пятно большим кругом. Чинга ничего не ответил. Более предметно я вернулся к своему вопросу, когда отошли от автобазы километра на три восточнее и забрались на чердак одного из домов в брошенном Юркове.

Прежде чем рассуждать на эту тему, Чинга назидательно проговорил, глядя мне в глаза (уже в какой раз):

– На рейде, в дороге, в пути все разговоры только по существу, никаких побочных тем, никаких отвлеченных бла-бла-бла.

Я сказал, что усек (уже в какой раз), и все же хотелось узнать по существу. Вождь вздохнул, посмотрел на меня с укоризной, молча стянул шмотник, стал развязывать узел на горловине:

– Поедим сперва.

Глава 8. Была история

Вот что за человек? Неужели нельзя стол сервировать и разговоры разговаривать. Видит же, любопытство меня поедом съедает. Ай...

В полной тишине шуршали одежды, тихо брякали консервы по деревянному сундуку. В какой-то момент Чинга замер, минуту прислушивался, затем продолжил ужинать. Я обратил внимание, что в нашем рационе появились деликатесы, которые я и в мирной-то жизни не едал: ветчина в треугольной банке, абрикосы в соку, паштетики на иностранном... М-да, благодарность Салеха обещала быть вкусной.

– Может... теперь расскажешь? – спросил я, отвалившись от стола, как насосавшаяся коар, с трудом находя местечко, куда бы вдохнуть воздух. Чинга не спешил, прожевал последний бутер, посмотрел на меня обожратого:

– Чего рассказывать? – вытер он рот ладонью. – Какое-то пятно.

– И все? – я почувствовал, как от досады вытягивается лицо.

– Ага, – беспристрастно ответил сталкер, задержал на мне внимательный взгляд. Видно, моська была жалкой всмятку, раз он решил подсластить пилюлю. – Понимаешь, Смит, зона, она система нестабильная. То тут, то там что-нибудь боком да вылезает. Вот взять то пятно, может, оно единственное на всю зону. Появилось в результате какого-нибудь хитрого сплетения аномалий под выбросом в радиоактивном излучении. Может, в лужу «киселя» угодил «выверт», или «батарейка», или оба сразу. Ты, главное, запомни, чтобы ни увидел эдакого, необычного, обходи стороной и ни в коем случае не тыкай палкой. Не вздумай брать и тащить к барыгам. Очень может статься, не дотащишь. Здесь каждый день что-то новенькое встречается. Зона живет по своим законам и сама решает, кого родить, а кого утопить. Она словно неизведанная планета. – Чинга встал, подошел к чердачному окну, протер от пыли чудом уцелевшее стекло и некоторое время обзирал окрестности.

Лежа на спине, прислонившись затылком к стропиле (сидеть было трудно), я достал сигаретку.

– Вон тушканы кости обгладывают, а что за мертвяк? Кто таков? Откуда родом? – Чинга вернулся за «стол». Под крышей было темно, уютно, пахло сеном и пылью. Наш пир горой освещался подвешенным к гвоздю фонариком. – Такая же ерунда, как с аномалиями, творится и с мутантами, – продолжал вещать сталкер. – Слышал о заплечниках?

– Неа, – отозвался я, блаженно выдыхая дым.

– А я видел и даже отдираю вместе с кожей от Нафталина. В здешних местах о таких гадостях слухом не слыхивали, а вот в Проклятой яме встречаются. Только ты сразу и не поймешь, что паразит на тебя перебрался. Чувствуешь только, как будто зябь по спине расходится. Поежишься, поддержишь воротник и дальше топаешь. А в это время погань мутантская силы из тебя сосет, как клещ. Сначала слабость легкая появляется, головокружение, потеть начинаешь, потом одышка, сбивчивое сердцебиение, выносливость ни к черту, аппетит пропадает, худеешь, сны тревожные, бессонница, судороги, горячка, а потом в какой-то момент не просыпаешься. Сразу-то ее не всегда заметишь, даже когда оголишься. Да и кто тебе на спину смотреть будет. Сталкер неделями не моется, а то и месяцами. Душ днем с огнем не найдешь, только на базах и за тугрики, а в здешние водоемы соваться чревато. Так вот, возвращаюсь к Нафталину. Стал парень на глазах угасать. К доктору ходил, тот не поймет, в чем дело, каких-то таблеток дал. Завалился человек в кубрик, наглотался фуфломедина, закрылся и не выходит. День нету, второй уже к вечеру подходит. Заглядываю к нему, повсюду шмотье раскидано, Нафталин раздетый, весь мокрый лежит на койке, блестит от пота, голову свесил, глаза закатил, рот открыл и хрипит. Поправил я его на кровати, а он горячий, как кипятильник. Когда шевелил его, почувствовал под пальцами вроде бы целлофановую пленку. Перевернул на живот,

а у него вся спина серая, в синих венах и как будто к ней целлофан плотно так приклеился, приварился прям. Не понял я. Подковырнул край ногтем, потянул. А эта самая пленка стянулась в том месте, словно сморщилась от неудовольствия, и за что-то там под кожей Нафталина дернула, застонал он, заворочался во сне. Сходил я за доктором. Шпирц осмотрел больного, потыкал пальцем в пленку, подергал, сбегал за инструментом. Вколочил Нафталину лошадиную дозу «лидокола» и меня ассистентом попросил. Я оттягивал полиэтилен, вернее, заплечника вместе с кожей, а док ее скальпелем подрезал. Паразит морщился, дергался, никак отлипнуть не хотел. А спина под кожей уже синюшно-зелеными пятнами пошла, как протухшая ветчина, и слизь какая-то мутная накапливалась там в мешочках. Док некоторые задевал, они лопались и жидкостью типа гноя растекались по худющим бокам Нафталина. Вся простыня этой слизью пропиталась, дышать стало нечем. Пришлось дверь нараспашку. В общем, помер Нафталин. Неплохой парень был, сталкерское дело знал и так погорел. Или вот Опер. С Журой ходил. Как-то по болоту они перли, вымокли до нитки, ко мне на костерок заглянули измученные, полуживые. Разделись подсушиться да пиявок поотдирать, смотрит Жура на спину Оперу и спрашивает: «Че это у тебя за родимое пятно такое странное?». Опер замер и говорит: «Нет у меня никакого родимого пятна». Я подошел, посветил фонарем на спину Оперу. А тому сыкотно стало, занервничал, спрашивает, а в голосе мандраж пляшет: «Ну, че? Жура, че там?» – «Погодь», – говорю я, и смотрим с Журой на эту гадость редкостную. Угол верхний у этого пятна был острым и на наших глазах скруглялся. Да и само пятно не походило на родимое. Какое-то блеклое, серое, как высохшая грязь. «Че там, мужики, че?» – подвывал Опер. Шею выкрутил, того и гляди свернет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.